

ЛАЙМА ГРУМАДЕНЕ

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИТОВСКОЙ
РЕЧИ КОРЕННЫХ ВИЛЬНЮСЦЕВ

Введение. Городская речь вариабельна, это усложняет анализ ее. Следует отметить, что вариабельность языка в целом – свойство постоянное и проявляется в способности к варьированию языковых средств (ср.: Скворцов Л. И., 1978, с. 22), выражая жизненность языка. При изучении языкового варьирования в качестве отправного объекта выступает идиолект (Степанов Г. В., 1979, с. 13–14). Только определив границы варьирования в речи индивида, можно приняться за специфическую постановку такой лингвистической задачи, как изучение языка коллектива в целом (Гроссе Р., Нойберт А., 1976, с. 316).

Речь индивида может варьировать в пределах нормы некоего группового или коллективного инварианта, в пределах определенной социально-коммуникативной подсистемы / термин А. Д. Швейцера (1976, с. 76–77)/, так как должна подчиняться законам коммуникации. Но не существует таких социально-коммуникативных систем, для которых не было бы характерно определенное варьирование, так как „наличие вариантов и гетерогенных структур в уже изученных речевых коллективах является, разумеется, твердо установленным фактом“ (Weinreich U., Labov W., Herzog M., 1968, р. 101).

Данное положение объясняется действием объективных и субъективных факторов как социального, так и чисто лингвистического плана, при различных обстоятельствах подвергающихся активизации (Дешериев Ю. Д., 1977, с. 127–187; Лабов У., 1975а, с. 96–181; Постовалова В. И., 1978, с. 148–156; Серебренников Б. А., 1974, с. 7–63).

Понятие социолингвистической переменной, обоснование которого содержится в работах У. Лабова, обобщает лингвистический и социальный план исследуемого материала: социолингвистические переменные „определяются точкой отсчета и шкалой величин, изменяющихся в определенном направлении. Величины в пределах этих шкал детерминируются социальными факторами подобно тому, как фонологические окружения обусловливают фонетическую реализацию аллофонов“ (Швейцер А. Д., 1976, с. 35). Понятие социолингвистической переменной применяется и успешно разрабатывается во многих трудах социолингвистической тематики.

Изучение варьирования речи определенного речевого коллектива при помощи социолингвистической методики предполагает социолингвистическое

истолкование варьирования языка, которое находит свое выражение в относительном разграничении его стратификационной и ситуативной вариативности (Швейцер А. Д., Никольский Л. Б., 1978, с. 76–85). Следует акцентировать относительность разграничения данных видов варьирования, так как между ними наблюдается тесная взаимосвязь. Именно учет опосредствующей роли упомянутой ситуативной вариативности позволяет избежать вульгаризаторской интерпретации воздействия на язык социальных факторов. Разграничение указанных видов варьирования языка учитывает и соотношение в нем индивидуальных и социальных факторов (подробнее об этом см.: Маковский М. М., 1976).

Этим двум видам варьирования языка соответствует варьирование двух видов социолингвистических переменных: стратификационных и ситуативных (или стратификационно-ситуативных). Стратификационные переменные выделяются в соотношении с социально-классовой структурой общества, а стратификационно-ситуативные изменяются и в соотношении с социальной структурой общества, и в зависимости от социальной ситуации. Исследование социальной ситуации предполагает изучение двух видов эмпирического материала: т.н. данных объективной и субъективной сторон языка. Учет субъективной стороны (т.е. мнений, оценок, суждений, ориентаций носителей языка по поводу своей собственной речи или речи других, определений ценностной ориентации в области языка и языковой нормы) готовит почву для плодотворного применения социолингвистических правил, а тем самым и для раскрытия основных факторов (как лингвистического, так и социального плана), влияющих на эволюцию языка.

Только при тщательном изучении субъективной стороны языка и соотнесении данных этого плана с данными объективной стороны языка становится возможной интерпретация перехода стратификационных переменных в стратификационно-ситуативные. Проявление последних связано с сознательной деятельностью человека в области языка, т.е. с ценностной ориентацией и социальными установками.

Сознательная деятельность в области языка всегда соотносится с понятием языковой нормы. Представление о том, что мена этих норм происходит очень медленно, стало привычным. Но еще в 1931 г. Е. Поливанов писал, что такое представление может быть уточнено, если наблюдать ход языковой эволюции в отдельных звеньях грамматической системы „вплотную“, с помощью вероятностно-статистического метода, разумеется, в тех случаях, когда факты доступны такого рода наблюдениям (Поливанов Е., 1931, с. 75–76). О необходимости освоения механизма эволюции языка при нормировании пишут и другие лингвисты (Костомаров В. Г., Шварцкопф Б. С., 1965, с. 126). Только при условии всестороннего изучения механизма языковых изменений становится возможным своевременное и более объективное решение проблемы нормирования, т.е. кодификации языка, которое предусматривало бы определенную зависимость внутрисистемных изменений от развития частных коммуникационных функций языков (Дешериев Ю. Д., 1966, с. 235–239).

Именно выявление социолингвистических норм (Никольский Л. Б., 1976, с. 129–130) предполагает учет взаимодействия в языковом развитии т.н. „внешних“ и „внутренних“ факторов, рассмотрение лингвистических фактов не только объективного, но и субъективного характера, установление их взаимосвязи. Поэтому социолингвистическое изучение разговорной речи важно не только для определения системы литовского языка жителей города Вильнюса, но и в определенной мере для дальнейшего процесса нормирования и кодификации литовского литературного языка.

Актуальной проблемой лингвистики, как и всей науки в целом, является разработка и осмысление процедур обоснования научного знания, в частности, проблема достаточности обоснований при подтверждении гипотез (Постовалова В. И., 1980, с. 89), подбор, выбор и отбор эмпирических фактов и основы их противопоставления или сопоставления (Bell R., 1978, р. 123–156).

При изучении языка как функциональной системы о надвигающихся изменениях сигнализирует наличие „слабых точек“ языка (термин Э. Косяриу, 1963, с. 238–239), т.е. несоответствия между потребностями выражения и наличными средствами выражения. В поиске „слабых точек“ языка может быть применен и статистико-вероятностный метод. Даже предполагается, в частности, что с помощью статистического анализа могут ставиться и решаться такие задачи: 1) проблема абсолютного датирования изменений, 2) исчисление темпов изменений, 3) проблема прогнозирования (Граудина Л. К., 1980, с. 132).

Роль статистического метода в науке о языке отмечалась еще в прошлом веке, напр., в работах И. Бодуэна де Куртене. Но применение математических методов в социальных науках (это относится и к изучению языка в социолингвистическом аспекте) встречает ряд трудностей, которые происходят от сложности социальных явлений, а также от того, что изучению подвергается не только объективная, но и субъективная сторона явления, выражение фактов которой в количественной форме требует разработки специального математического аппарата. Главная трудность заключается в том, что порою приходится иметь дело с короткими статистическими рядами, а уверенности, что значительная часть наблюдаемого не создана воображением самих наблюдателей, нет (ср. Андреев Э. П., Осипов Г. В., 1973, с. 339).

Применение математических методов в лингвистических исследованиях расценивается по-разному. И это естественно, так как они по-разному и применяются. Весьма отрицательно по поводу применения математических методов в лингвистике высказывается сравнительно немного лингвистов, напр., Н. С. Трубецкой (1960, с. 18), Р. А. Будагов (1978, с. 40–42) и др. Гораздо больше специалистов придерживаются противоположного мнения, согласно которому лингвистика „не может себя связывать раз и навсегда заданными исследовательскими методами“ (Звегинцев В. А., 1977, с. 46).

1. Социолингвистическая характеристика объекта. Объектом настоящего исследования является социально-коммуникативная система (СКС) литовской речи коллектива коренных литовцев вильнюсцев (ЛРКЛВ) (Швей-

цер А. Д., Никольский Л. Б., 1978, с. 67–76). Конкретным предметом исследования послужил один из компонентов данной СКС – литовская речь исследуемого коллектива. Так как между компонентами СКС существуют отношения функциональной дополнительности, которые задаются социальными связями между членами коллектива, сферами использования, социальными функциями и социальными ситуациями, в целом, в том или другом аспекте изучалась вся СКС речевого коллектива коренных литовцев вильнюсцев. С целью определения некоторых закономерностей и тенденций стратификационной и ситуативной вариативности ЛРКЛВ речевой коллектив был разбит на речевые общности на основе социальных и социально-демографических признаков (там же, с. 67–68).

В настоящем исследовании были выделены речевые общности на основе двух признаков: возраста и уровня образования. По разработанному плану исследования должен был учитываться признак характера труда, так как именно данный признак является основополагающим критерием внутренней дифференциации социально-классовых групп в условиях развитого социалистического общества (ср. в кн.: Шкаратан О. И., Рукавишников В. О., 1974, с. 38). Различия по роду труда (физический, умственный труд сравнительно невысокой квалификации и высококвалифицированный умственный труд), имеющие своей основой различия в характере труда (Руткевич М. Н., 1972, с. 13), первоначально учитывались и в настоящем исследовании, но в конечном счете стала альтернатива: или отказаться от учета признака характера труда, или значительно увеличить объем выборки. Был избран первый путь (ср.: Здравомыслов А. Г., 1969, с. 186–187). В настоящем исследовании выделяются три возрастные группы: 1) родившиеся до 1932 г.; 2) родившиеся в 1932–1952 гг.; 3) родившиеся в 1953 г. и позже (ср.: среди возрастных шкал, рекомендуемых ИСИ АН СССР, содержится трехуровневая шкала: 1) до 19 лет, 2) 20–39 лет, 3) 40–79 лет („Эксперт-2“, 1974, с. 3)).

В настоящем исследовании релевантными считаются два уровня образования: 1) неоконченное среднее, среднее и среднее специальное; 2) неоконченное высшее и высшее (более дробная классификация также требовала увеличения объема выборки).

Проблема объема выборки зависит от проблемы единицы анализа и единицы счета (Ядов В. А., 1968, с. 174–177). В качестве единиц анализа в данном исследовании выступают: 1) отдельные социолингвистические переменные, напр., совокупность вариантов неударных *i*, *ē*, *ā*, *ī* в конечной позиции или совокупность вариантов неударных *ie*, *uo* в интерконсонантной позиции и т.п.; 2) мнения и суждения представителей изучаемого речевого коллектива о своей собственной речи. В качестве единиц счета оказались шкалированные значения социолингвистических переменных или суждений, выбор альтернатив или наличие/отсутствие изучаемой единицы в целом. Выборка оказалась двусторонней – отбирались языковые единицы и обследовались группы людей, поэтому число критериев объема выборки было увеличено: в первую очередь учитывались критерии для числа представителей ЛРКЛВ, т.е. критерии

социологической выборки, а затем принимались во внимание критерии лингвистической выборки. Такой ход действий был продиктован ранее проведенными социолингвистическими исследованиями. Наиболее удачным исследованием городской речи, на наш взгляд, следует считать работу У. Лабова (Labov W., 1966). В ней большое внимание уделяется отбору информантов, что и послужило главным залогом успеха.

В настоящей работе генеральная совокупность исследуемых отвечает следующим требованиям: родились и без значительного перерыва жили в г. Вильнюсе, родители оба – литовцы (ср. с аналогичными требованиями, напр., в кн.: Русский язык по данным массового обследования, 1974, с. 20). Ход образования и мены лингвистических ситуаций в г. Вильнюсе за последние 100 лет обусловил наличие весьма ограниченного числа представителей старшего поколения, отвечающих предъявленным выше требованиям. Наблюдается заметный скачок в росте числа таких представителей младшего поколения. В конечном счете пришлось сделать некоторые отступления от требований выборки: представители старшего поколения могли быть родом не из г. Вильнюса, но еще в детстве поселиться в нем.

Получаемая социолингвистическая информация должна отвечать требованиям достоверности, устойчивости и репрезентативности (ср. в кн.: Шляпентох В. Э., 1973, с. 17). Для обеспечения достоверности информации выборка должна была охватить все поколения исследуемого речевого коллектива (с целью описания речевых изменений в реальном времени), так как требовались данные для иллюстрации языковых смещений и изменений в видимом времени, т.е. по возрастным группам населения (Лабов, 1975 б, с. 203). Достоверность, как и устойчивость, удовлетворяется наличием материальной фиксации первичных социолингвистических данных (записи интервью на магнитной ленте, анкетные листы, спектограммы). Репрезентативность характеризуется тем ареалом, на который могут быть распространены полученные результаты исследования. В целом требования достоверности, устойчивости и репрезентативности удовлетворяются посредством осуществления несмещенной достаточной выборки и корректным проведением полевых работ при условии получения данных путем применения целого ряда методов сбора материала. Во избежание смещения при отборе информантов осуществлялась случайная выборка на основе полного перечня потенциальных информантов, в роли которого выступили хранящиеся в архиве ЦСУ ЛитССР анкеты Всесоюзной переписи населения 1970 г. Перечень нельзя считать совершенно полным, потому что косвенные данные к вопросу о продолжительности проживания в г. Вильнюсе могли быть обнаружены лишь в 25% имеющихся анкет. Для обеспечения случайности при отборе информантов пронумерованные папки с анкетами отбирались в соответствии с таблицей случайных чисел.

Наибольшие проблемы связаны с объемом выборки. Он зависит от изменчивости характеристик объектов генеральной совокупности и может быть малым, если генеральная совокупность близка к однородности (Рабочая книга социолога, 1976, с. 259). В нашем случае для получения выборки высок

кой репрезентативности требуется выборка очень большого объема, так как изучаемый речевой коллектив характеризуется большой неоднородностью. От объема выборки зависит и степень точности выборочных результатов. Исходя из положений, что „почти всегда численность выборки достаточно велика, если в ней содержится по крайней мере 30 элементов“ (Вайнберг Дж., Шумекер Дж., 1979, с. 126), что „базовое число 25–30 единиц – минимум при малых выборках“ (Человек и его работа, 1967, с. 61), что „в высшей степени регулярные типы стилистической и социальной стратификации устанавливаются даже в том случае, когда наша индивидуальная ячейка содержит всего пять говорящих и мы имеем не более чем по 5–10 примеров данной переменной на каждого“ (Лабов У., 1975 а, с. 115), что возможна выборка в пределах $1 \leq n \leq 50$ (Чесноков С. В., 1977, с. 89), что „выборку следует считать малой лишь в случае если при обработке методами, основанными на группировке наблюдений, нельзя достичь заданных точностей и достоверности“ (Гаскаров Д. В., Шаповалов В. И., 1977, с. 19), в конечном счете мы определили объем выборки для исследования ЛРКЛВ – по 25 информантов из трех возрастных групп ($N=75$). После обработки первичной социолингвистической информации в аспекте репрезентативности информантов основной массив их составили 15 представителей старшей, 19 – средней и 26 – младшей возрастных групп, а также 9 информантов – дикторов радио и актеров театра.

Так как объектом исследования в первую очередь являлись лингвистические единицы – варианты произношения, следовало определить и минимальный объем текстов, на основе которых должны были заключаться выводы. Ведь эффективность и корректность использования методов математической статистики в социолингвистических исследованиях зависит от стабильности частот и однородности сравнительных совокупностей. „Существенные изменения частот или математических ожиданий позволяют предполагать переход к текстам другого типа“ (Якубайтис Т. А., Скляревич А. Н., 1978, с. 60). В связи с данным положением отклоняется постулат о независимости появления языковых единиц (там же, с. 55; ср. в кн.: Сегал Д. М., 1972, с. 7). Статистические совокупности считаются однородными, если совпадают основные параметры двух произвольных выборок из генеральной совокупности. Целесообразным оказалось разбиение совокупности собираемых социолингвистических данных, рассматриваемых с лингвистической точки зрения, на три совокупности, объединяемых по признаку стиля (ср. положения в кн.: Структурно-вероятностный анализ языка по данным речи, 1979; Исследования фонетических особенностей речевых стилей, 1979).

В настоящем исследовании учитываются три контекстуальных стиля, рассматриваемые как сдвиг некоторых социолингвистических переменных в речи информантов при изменении социального контекста и темы (ср.: Лабов У., 1975 б, с. 199–220). Вслед за У. Лабовым основным критерием в различии контекстуальных стилей автор настоящей работы считает степень внимания, с которой говорящий относится к речи. Степень внимания к собственной речи

зависит не только от сознательного самоконтроля говорящего, но и от целого ряда социологических, психологических и других экстралингвистических факторов. Установлено, что, напр., „в состоянии эмоциональной напряженности возникают существенные сдвиги в осуществлении тех речевых операций, которые требуют сознательного контроля за качеством их реализации“ (Носенко Э. Л., 1979, с. 16), а ведь само эмоциональное состояние зависит и от социальной ситуации. Параметрами социальной ситуации в социолингвистике считаются отношения между коммуникантами, обстановка речевого акта, коммуникативная установка и др. (ср. в кн.: Швейцер А. Д., Никольский Л. Б., 1978, с. 66). В последнее время в социолингвистике принято систему отбора языковых средств в зависимости от социальной ситуации подводить под термин „регистр“ (там же, с. 75). Обычно выделяются три регистра: неофициальный, нейтральный, официальный, иногда они обозначаются как две крайние точки на шкале ситуативных признаков — неофициальный и официальный (см. в кн.: Русская разговорная речь, 1973, с. 9–11).

При исследовании контекстуальных стилей релевантными считаются ролевые отношения между коммуникантами, их статус, обстановка коммуникативного акта. В изучении ЛРКЛВ на основном этапе сбора эмпирических данных ролевые отношения между интервьюером и интервьюируемым можно рассматривать как полуофициальные отношения незнакомых людей, беседующих на легкие бытовые темы. Отношения „интервьюер–интервьюируемый“ рассматриваются как стандартные (одинаковые со всеми интервьюируемыми лицами), хотя на самом деле, естественно, они оказались относительно разными. Обстановка коммуникативного акта всех интервью также была стандартизованной: все беседы проводились дома у интервьюируемых (за исключением актеров и дикторов радио, интервью с которыми проводились на их рабочих местах).

С помощью стандартизации или, точнее, элиминации признаков обстановки, статуса и ролей коммуникантов, различия контекстуальных стилей обеспечивались посредством применения относительно лингвистических критериев — мены темы и характера текста. В исследовании ЛРКЛВ различались три контекстуальных стиля: 1) неофициальный ненаправленный (осуществлялся в виде рассказа о себе и разговора с интервьюером); 2) официальный ненаправленный (осуществлялся во время чтения стандартного связного текста, в котором подросток рассказывает о своих приключениях и переживаниях); 3) официальный направленный (осуществлялся во время чтения списка 20 минимальных пар слов) (см. прил. 1).

2. Методы сбора социолингвистической информации о ЛРКЛВ. В исследовании ЛРКЛВ социолингвистическая информация собиралась рядом методов. Это позволило проверять ее качество, адекватность и представительность еще на первом этапе обработки.

В качестве основного метода сбора социолингвистической информации о ЛРКЛВ был принят метод полустандартизованного интервьюирования (ср. понятие стандартизированного интервью у Мониной М. Л., 1974, с. 40–83).

Ставились несколько задач: 1) установить факты речи изучаемого коллектива в определенных социолингвистических условиях; таким образом, весь материал интервьюирования явился документом для дальнейшего анализа; 2) выяснить отношение испытуемых к нормативности собственной речи и к речи представителей нормативной речи (дикторов радио и телевидения, актеров драмтеатров); 3) установить мнение о наличии или отсутствии вильнюсского речевого коллектива со своими нормами речи (сюда относились вопросы типа „Узнаете ли вы вильнюсца только на основе особенностей его речи?“, „Признал ли кто-нибудь в Вас жителя г. Вильнюса, ссылаясь на Вашу речь?“ и др.); 4) выяснить некоторые вопросы функционирования социально-коммуникативных систем, в частности, вопросы билингвизма (полилингвизма) и диглоссии, определить сферы использования русского (в некоторых случаях и польского) языка и диалектов литовского, уточнить степень владения другими языками и диалектами, выяснить способы и время овладения ими (см. прил. 2). В настоящей статье приводятся некоторые результаты решения первой и отчасти второй задач, поэтому дается описание лишь некоторых методов сбора материала.

Интервью названо полустандартизованным из тех соображений, что, в сущности, каждому интервьюируемому задавались те же вопросы (см. прил. 2), но вопросы несколько модифицировались применительно к каждому из интервьюируемых с учетом его возможностей и способности дать ответ.

Продолжительность интервью – 20–30 мин. Ход интервью с незначительными изменениями был следующим. Получив согласие собеседника, интервьюер уточнял год его рождения, наводил справки о диалектном происхождении его родителей. Ответы на данные вопросы обычно бывали краткими. Для провоцирования рассказов интервьюируемых, чтобы услышать их спонтанную связную речь, задавались вопросы об их путешествиях, поездках в родные деревни отцов и матерей, об отпуске / ср. примененный У. Лабовым (1975а, с. 121–122) вопрос о „смертельной опасности“, которой подвергался опрашиваемый/. Здесь наблюдался естественный сдвиг контекстуального стиля в сторону неофициальности, спонтанности. После 5–10 мин рассказа следовал попутный вопрос интервьюируемому: узнал ли кто-нибудь его во время описываемой поездки как жителя г. Вильнюса. Далее выяснялось собственное мнение интервьюируемого относительно специфики вильнюсской речи, задавались вопросы об отношении опрашиваемого к правильности собственной речи, к речи дикторов и актеров, к обучению литовской речи в образовательных школах. Затем предлагалось прочитать вслух связной текст объемом в 1800 печ. зн. – рассказ подростка о своих приключениях во дворе (см. прил. 1, текст № 1) (ср.: Лабов У., 1975а, с. 124), а в заключение – список, составленный из 20 минимальных пар слов (см. прил. 1, текст № 2) (ср. там же), большая часть которых уже содержалась в связном тексте, но интервьюируемым не могла быть обнаружена. После этого выяснялись некоторые проблемы билингвизма (полилингвизма) и диглоссии. В результате интервью выделялись три указанных контекстуальных стиля.

Интервьюирование дополнялось методом анкетирования. Каждому опрашиваемому предлагалось заполнить анкету (см. прил. 3), включавшую 55 вопросов на тему произношения и акцентуации, построенных по принципу альтернативы.

Третий в нашей работе метод — аудиотестирование. С его помощью изучалась лишь одна особенность ЛРКЛВ — проблема реализации оппозиции долгих и кратких гласных в различных фонетических позициях. Исследуемый материал — 58 минимальных пар слов (см. прил. 4.1) — был разбит на 6 типов омонимов согласно следующим критериям: 1) происхождение гласных, состоящих в оппозиции; 2) наличие (отсутствие) ударения на изучаемых гласных. Так как практика аудиотестирования (см. обзор литературы в дис. Гаршевы К., 1977) показала, что во время одного сеанса аудиотестирования удобнее всего изучать реализацию 4—5 минимальных пар, весь массив исследуемых пар был разбит еще на 13 групп, слова в которых объединялись не только согласно двум вышеуказанным критериям, но и по морфологическим признакам. Ход и методика аудиотестирования были обычными (см. Girdenis A., 1981, р. 33—35).

Тот же лингвистический материал, т.е. 58 минимальных пар слов, был исследован методом спектрального анализа звуков. На данном этапе решалась задача — установить продолжительность (*t*) и частоту основных формант (F_1 и F_2) изучаемых звуков с целью обнаружения физических показателей изменений в произношении.

116 изучаемых звуков содержались в 116 предложениях, расположенных в соответствии с таблицей случайных цифр. Получены 464 реализации изучаемых звуков, так как текст прочитали 4 диктора. Дикторами были мужчины (С. Ж., Д. К., Р. П. и А. И.) в возрасте 22—25 лет, отвечающие общим требованиям, предъявляемым информантам в настоящем исследовании. Цель исследования им была неизвестна. Относительно регистра и тембра голоса у троих из них был баритон, у одного — тенор. Дефектов речи не обнаружено.

Запись велась в апреле 1974 г. в кабине аудиовизуальной лаборатории Вильнюсского государственного университета на магнитофоне „Тембр“ со скоростью 19,5 м/мин при помощи конденсаторного микрофона 19А-3 на ферромагнитной ленте типа 6 (подробнее о данной методике см.: Statkevičienė J., 1972). Уровень записи для каждого диктора устанавливался отдельно и в процессе работы аппаратуры не изменялся. Из полученного материала вырезались и монтировались слова с реализацией изучаемых звуков (техническую работу выполнила ст. лаборант Лаборатории экспериментальной фонетики ВГУ В. Лакене). Далее фонограммы обрабатывались на спектрографе типа КПИ-69 (в той же лаборатории) со скоростью движения ленты 63,6 мм/с, отметки времени производились каждые 20 мс (50 Гц) (техническую работу выполнили инженеры той же лаборатории П. Матейкис, А. Липейка и С. Кучас).

3. Методы анализа социолингвистической информации о ЛРКЛВ. В настоящей работе для исследования материала, полученного

каждым из указанных методов сбора социолингвистической информации, применялся ряд различных методов анализа с целью контролирования объективности результатов.

Для социолингвистики типичным явлением считаются корреляции, в которых в качестве независимых переменных выступают социальные показатели, а в качестве зависимых – лингвистические явления. Корреляционный анализ, метод математической статистики, в изучении языковых явлений может быть применен с большой осторожностью, так как невозможно, по крайней мере на настоящем этапе изученности социолингвистических проблем, учесть действия даже всех основных факторов, а каждый „скрытый“ фактор может существенно влиять на результаты.

Материал, собранный методом интервьюирования, в основном анализировался по методике, предложенной У. Лабовым в его исследовании нью-йоркской речи (Labov W., 1966, p. 41–64). Каждая изучаемая социолингвистическая переменная на фонетическом уровне кодировалась следующим образом. В транскрибированном тексте интервью каждому варианту произношения переменной присваивался шифр, напр.: (ie-1) – это реализация [ie], (ie-2) – [e], (ie-3) – [ɛ]. Затем подсчитывалась относительная частота употребления (в %).

Подсчеты велись отдельно для каждого информанта в каждом из трех контекстуальных стилей. Далее проводились подсчеты (суммирование и усреднение) результатов ответов информантов для каждой из трех возрастных групп с учетом двух условных уровней образования. Эти данные нашли отражение в диаграммах (см. прил. 5), на вертикальной оси которых расположены соответствующие значения усредненных частот употребления вариантов изучаемой социолингвистической переменной, а на горизонтальной обозначены возрастные группы с учетом уровня образования. На одной и той же диаграмме приводились числовые показатели всех контекстуальных стилей.

По формуле $\frac{m_1}{m} \pm 1,96 \cdot \sqrt{\frac{\frac{m_1}{m} \cdot \left(1 - \frac{m_1}{m}\right)}{m}}$ (Bitinas B., 1974, p. 54), где m – число всех употреблений изучаемой социолингвистической переменной, m_1 – число употреблений определенного варианта переменной для доверительной вероятности, равной 0,95, определяется доверительный интервал распределения частот. Если значения данных интервалов не перекрещиваются, делается вывод, что сравниваемые относительные частоты существенно различаются.

Вопрос о возможном влиянии на речь информантов диалектного происхождения речи их родителей был изучен методом дисперсионного анализа с односторонней классификацией (Закс Л., 1976, с. 455–461). Изучалось возможное влияние речи каждого из родителей в отдельности. Места происхождения родителей информантов были обобщены в семи условных группах: 1 – западные аукштайты (южный фланг), 2 – южные аукштайты, 3 – уроженцы г. Вильнюса и г. Каунаса, 4 – жемайты, 5 – восточные аукштайты из

окрестностей Утены, 6 – северный фланг восточных и западных аукштайтов, 7 – восточные аукштайты из окрестностей Вильнюса. Так как для дисперсионного анализа требуются группы объемом не менее пяти информантов, представителей близких диалектов следовало объединить в более крупные группы, характеризуемые наличием/отсутствием тенденции удлиненного произношения кратких ударных звуков и системы гласных с тремя степенями долготы. Метод дисперсионного анализа (см. Закс Л., 1976, с. 448–514; Статистические методы..., 1979, с. 178–194) весьма трудоемок по сравнению с вышеописанным, однако использовался он не только для обработки полученного полевого материала, но и для выяснения возможности применения уже разработанных программ машинной обработки подобного социолингвистического материала. В настоящем исследовании все подсчеты велись одним человеком вручную, при помощи настольной ЭВМ, но результаты показали, что и данный материал может быть запрограммирован и обработан на более сложных ЭВМ. Консультантом по применению дисперсионного анализа в настоящем исследовании была старший научный сотрудник Института математики АН ЛитССР, канд. физ.-мат. наук Б. Каминскене.

Дисперсионный анализ основывался на сравнении средних частот каждого из изучаемых вариантов реализации социолингвистической переменной при условии удовлетворения требования равенства дисперсий нескольких выборок и наличия нормального распределения. Нормальное распределение достигается случайной выборкой. Проверка дисперсий осуществлялась методом Бартлетта (Закс Л., 1976, с. 453–455). Мерой оценки послужил χ^2 -критерий. Подсчеты, которые из-за отсутствия места не приводятся, позволили утверждать возможность проведения дисперсионного анализа имеющегося материала о ЛРКЛВ.

Дисперсионный анализ с односторонней классификацией, результаты которого приводятся ниже, подтвердил наличие некоторых значимых различий между средними значениями частот употребления вариантов переменной, реализуемых в речи информантов, распределенных по группам в зависимости от диалектного происхождения речи матери и отца. Поэтому был применен метод заключений о линейных контрастах по Шеффе (Закс Л., 1976, с. 461–464). Данный метод позволяет выявить нехарактерные группы.

Обработка результатов социолингвистической анкеты ограничилась подсчетом указаний вариантов и определением их относительной частоты (в %) с учетом возраста и уровня образования информантов. Результаты приводятся в прил. 6.

Методика обработки результатов тестов коммутации (аудиотестов) была следующей: по формуле $\frac{n_1}{n} \cdot 100\%$, где n_1 – число ответов, указывающих на наличие оппозиции исследуемых звуков, а n – число потенциальных ответов, определялась частота ответов с указанием оппозиции для каждой группы изучаемых слов. Значимость результатов Р оценивалась по специальн-

ной таблице (Girdenis A., 1981, p. 212), причем за критическую черту значимости принималась отметка – 67 % (см. табл. 4.2).

При спектральном анализе звуков преследовались две цели: измерить продолжительность (t) и частоту основных формант (F_1 и F_2) изучаемых звуков.

Продолжительность изучаемых звуков была измерена с точностью до 0,01 с. Измерялась абсолютная продолжительность долгих (x_i) и кратких по происхождению (y_i) гласных, подсчитывалась их разность в каждой реализации изучаемых оппозитивных пар гласных: $\Delta_i = x_i - y_i$. Были подсчитаны и средние значения продолжительности „долгих“ (\bar{x}) и „кратких“ звуков (\bar{y}):
 $\bar{x} = \frac{1}{n} - \sum x_i; \quad \bar{y} = \frac{1}{n} - \sum y_i$, где n – объем реализации каждого изучаемого звука.

Для проверки наличия оппозиции долгих и кратких гласных в ЛРКЛВ выдвигались две альтернативные гипотезы: H_0 – оппозиция отсутствует, H_1 – оппозиция существует. Проверялись данные гипотезы критерием Стьюдента (t). С этой целью определялись средние разницы $\bar{\Delta}_i$ между средними продолжительности каждого изучаемого звука ($\bar{\Delta}_i = \bar{x}_i - \bar{y}_i$) и подсчитывались дисперсии s^2 по формуле:

$$s_x^2 = \frac{\sum (x_i - \bar{x})^2}{n-1}, \quad s_y^2 = \frac{\sum (y_i - \bar{y})^2}{n-1}.$$

Определялось среднее (квадратическое) отклонение: $s = \sqrt{s^2}$. Значимость различия средних продолжительности оценивалась t критерием по формуле:

$$\hat{t} = \frac{|\bar{x} - \bar{y}|}{\sqrt{\frac{\sum (x_i - \bar{x})^2 + (y_i - \bar{y})^2}{n_{\bar{x}} + n_{\bar{y}}} \cdot \frac{n_{\bar{x}} + n_{\bar{y}}}{n_{\bar{x}} + n_{\bar{y}} - 2}}} \geq t_\alpha,$$

где \hat{t} – аргумент распределения Стьюдента, явление $n_{\bar{x}} + n_{\bar{y}} - 2 = f$, где f – степень устойчивости, t_α – квантиль, отыскиваемый в таблицах квантилей распределения Стьюдента t согласно подсчитанному f (см. в кн.: Tikimybė ir matematinės statistikos taikymas, 1971, c. 274), $n_{\bar{x}}$ и $n_{\bar{y}}$ – объемы исследуемых реализаций каждой стороны оппозиции (см. табл. 4.3).

На втором этапе обработки спектрограмм измерялась частота формант F_1 и F_2 изучаемых звуков в следующих точках: в начале звука (F_{1H} и F_{2H}), в середине (F_{1C} и F_{2C}) и в конце (F_{1K} и F_{2K}). Согласно фильтровому раству определялись номера фильтров, а тем самым и частота звуков в герцах, которые переводились в единицы высоты тона – мелы (использовались таблица и линейки, составленные в Лаборатории экспериментальной фонетики ВГУ); согласно аппроксимации Г. Фанта 1 мел = $1000 \cdot \log_2 (1 + F_0/1000)$, где мел – высота тона, F_0 – частота звука, Гц. В процессе измерения использовался аппарат для чтения микрофильмов „Микрофот“, увеличивающий в 10 раз. Затем определялись средние арифметические высоты звука в трех контрольных точках для каждого диктора и для каждой группы изучаемых слов:
 $\bar{F}_{1H} = \frac{1}{n} \sum F_{1H}, \quad \bar{F}_{1C} = \frac{1}{n} \sum F_{1C}, \quad \bar{F}_{1K} = \frac{1}{n} \sum F_{1K}$ и т.д., где n – объем реализаций

звуков каждого диктора, F_{1n} , F_{1c} , F_{1k} , F_{2n} , F_{2c} , F_{2k} – абсолютная высота формант в реализациях каждого диктора.

Графическое представление результатов измерений и подсчетов из-за отсутствия места в статье не приводится. Некоторые результаты указываются непосредственно в тексте. Для наглядности при сравнении напряженности и ненапряженности гласных фигурировала модель т.н. нейтрального гласного [æ] ($F_1 = 585$ мел, $F_2 = 1320$ мел, см.: Фант Г. М., Якобсон Р., Халле М., 1962, с. 176). Подсчитывалось самое большое отклонение Δ_i каждого изучаемого гласного первой форманты от первой форманты нейтрального гласного: $\Delta f_1 = F_{1n} - F_1$, соответствующие данные для второй форманты: $\Delta f_2 = F_{2n} - F_2$. Суммарное отклонение $\Sigma \Delta f$ определялось по формуле: $\Sigma \Delta f = \sum |\Delta f_1| + \sum |\Delta f_2|$. Чем большим было абсолютное значение суммарного отклонения, тем более напряженным считался звук.

Научным консультантом по вопросам применения методов экспериментальной фонетики был доц. ВГУ А. Гирденис.

4. Некоторые результаты исследования вокализма в ЛРКЛВ. Суть проблемы вокализма ЛРКЛВ заключается в проблеме долгих и кратких гласных. Наблюдаются процессы изменения реализации гласных, обусловливающие нейтрализацию (полную и частичную) оппозиции долгих и кратких гласных, редукцию, монофтонгизацию двуфонемных сочетаний *ie*, *io* или дифтонгизацию долгих гласных *o*, *é*.

4.1. Гласные *i*, *e*, *a*, *u* долгие и краткие. Проблема упомянутых долгих и кратких гласных в ЛРКЛВ кроется в следующем: данные группы гласных включают 8 самостоятельных фонем, которые в литовском языке всегда находятся в оппозиции, а в ЛРКЛВ не в каждом случае представляются оппозитивными.

Реализация оппозиции долгих и кратких гласных (далее \bar{V}/\check{V}) в ЛРКЛВ во многом зависит от наличия ударения: в неударной позиции наблюдается тенденция краткого или полудолгого произношения долгих гласных, но долгое или полудолгое произношение кратких почти не наблюдается; в позиции под ударением отмечаются факты произношения долгих и полудолгих звуков вместо кратких гласных, а факты произношения долгих гласных относительно редки. В литовском языке имеются два слоговых акцента долгих гласных – циркумфлекс и акут, краткий же гласный может быть под ударением, но только кратким. В ЛРКЛВ наблюдается относительная нивелизация всех ударных звуков: краткий гласный может получить слоговой акцент долгого гласного (или одну из переходных его форм, наблюдаемых и в говорах), а долгий гласный может очутиться под ударением, сходным с ударением краткого гласного.

Результаты исследования ЛРКЛВ показывают, что в реализации \bar{V}/\check{V} весьма релевантным обстоятельством является позиция гласных в слове: конечные гласные чаще подвергаются изменениям, также большим изменениям подлежат гласные в предударных и непосредственно в заударных

слогах, долгий гласный в позиции после долгого ударного слога чаще изменяется, чем после краткого ударного.

4.1.1. \bar{V}/\bar{V} в конечной неударной позиции. В ЛРКЛВ отмечается наличие трех вариантов произношения социолингвистической переменной *i*, *ē*, *ā*, *ū* в неударной конечной позиции перед паузой или *-s*, далее (неуд. $\bar{V}\#$): I вариант – произношение краткого ненапряженного звука, resp. [i], [e], [a], [u], напр.: [i] – [vál't'is]¹ „váltys“ (им. п. мн. ч.), [aūs'i] „aūsi“ (вин. п. ед. ч.), [skaž.tan't'is] „skažtantys“ (им. п. мн. ч.), [l'ěk'en't'i] „lěkianti“ (вин. п. ед. ч.); [e] – [ėl'ě] „ėlě“ (вин. п. ед. ч.), [bùv'as] „bùvęs“ (им. п. ед. ч.), [pasùk'ę] „pasùkę“ (им. п. мн. ч.); [a] – [lóva] „lóvą“ (вин. п. ед. ч.), [grā ž'ę] „grāžią“ (вин. п. ед. ч.); [u] – [daň.gu] „daňgų“ (вин. п. ед. ч.) [v'íru] „výtg“ (род. п. мн. ч.), [sú-t'ū] „súriū“ (род. п. мн. ч.), [ėl.tu] „ėl̄tu“ (сослаг. накл., 3 л.); II вариант – произношение полудолгого несколько напряженного звука, resp. [i.], [e.], [a.], [u.], напр.: [i.] – [ä k'i.s] „äkys“ (им. п. ед. ч.), [nó s'i.] „nós̄i“ (вин. п. ед. ч.), [n'ěšan't'i.s] „něšantys“ (им. п. мн. ч.), [tùr'in't'i.] „tùrinti“ (вин. п. ед. ч.); [e.] – [l'ěl'ę.] „lělę“ (вин. п. ед. ч.), [skai.t'ę.s] „skałtęs“ (им. п. ед. ч.), [iš'ę ję.] „išęję“ (им. п. мн. ч.); [a.] – [raň.ka.] „raňką“ (вин. п. ед. ч.), [baň.kš'č'ę.] „baňkščią“ (вин. п. ед. ч.); [u.] – [karäl'ū.] „karälili“ (вин. п. ед. ч. или род. п. мн. ч.), [málku.] „málkų“ (род. п. мн. ч.), [káj'l'ū.] „káiliū“ (род. п. мн. ч.), [s'kr'istu.] „skritis̄tu“ (сослаг. накл., 3 л.); III вариант – произношение долгого напряженного звука, resp. [i.'], [e.'], [a.'], [u.'], напр.: [i.'] – [žùv'i.s] „žùvys“ (им. п. мн. ч.), [m'ě-d'i'] „měd̄i“ (вин. п. ед. ч.), [răšan't'i.s] „răšantys“ (им. п. мн. ч.), [b'es'ikaj.t'inan't'i.] „besikaitinanti“ (вин. п. ед. ч.); [e.'] – [k'ě d'ę.] „kědę“ (вин. п. ед. ч.), [mā t'ę.s] „mätęs“ (им. п. ед. ч.), [nun'ě š'ę.] „nuněšę“ (им. п. ед. ч.); [a.'] – [gálva.] „gálvą“ (вин. п. мн. ч.), [kóję.] „kóją“ (вин. п. ед. ч.); [u.'] – [smař.ku.] „smařkų“ (вин. п. ед. ч.), [šáukštu.] „šáukštų“ (род. п. мн. ч.), [vař.'g'ū.] „vařgiū“ (род. п. мн. ч.), [p'iř.-ktu.] „pírkty“ (сослаг. накл., 3 л.).

Результаты изучения материала методом одностороннего дисперсионного анализа показали, что наблюдается определенное влияние диалектного фактора, но это подтверждается далеко не на всех диалектных выборках. Статистика превышала критическое значение F-распределения лишь в двух выборках: в диалектных группах по линии отца в отношении употребления краткого варианта (неуд. $\bar{V}\#$) во II контекстуальном стиле ($\hat{F}_{\text{от.}, 1, \text{II}} = 2,14 > 1,93 = F_{6; 54; 0,1}$) и в отношении употребления долгого варианта (неуд. $\bar{V}\#$) в III контекстуальном стиле ($\hat{F}_{\text{от.}, 3, \text{III}} = 2,1 > 1,93 = F_{6; 54; 0,1}$).

Методом заключений о линейных контрастах по Шеффе установлено, что в употреблении краткого варианта (неуд. $\bar{V}\#$) во II контекстуальном стиле статистически значимо ($\hat{F} = 3,43 > F_{\text{кр.}} = 3,40$) отступает от общей средней частоты средняя частота во 2-й диалектной группе, т.е. в речи информантов, отцы которых ведут происхождение с территории южных аукштайтов. В данной диалектной группе средняя частота употребления краткого варианта

¹ Варьирование других переменных в транскрипции не указывается.

(неуд. $\bar{V} \#$) является самой низкой ($\bar{x}_2 = 38,2$; размах варьирования средних $38,2 - 70$).

Анализ употребления долгого варианта (неуд. $\bar{V} \#$) в III контекстуальном стиле выявил, что средняя частота в 4-й диалектной группе (жемайты) значительно ниже общей средней частоты ($\hat{F} = 4,93 > F_{kp.} = 3,4$; $\bar{x}_4 = 30$, размах варьирования средних $30 - 82$).

Объяснение приведенных данных сложное. Относительно 2-й диалектной группы можно сказать следующее: реликты диалекта южных аукштайтов, сохраняющих долготу гласного в изучаемой позиции, наблюдаются в том, что информанты данной группы относительно часто произносили долгий вариант во всех стилях: показатель \bar{x}_2 в I стиле (по линии отца) равен 34, т.е. второй по величине после показателя $\bar{x}_1 = 36$, принадлежащего диалектной группе западных аукштайтов, также сохраняющих долготу гласного в данной позиции: показатель \bar{x}_2 во II стиле (по линии отца) является самым высоким (48,6) и лишь в III стиле не выделяется, хотя относительно велик (58). Аналогичная картина наблюдается при сравнении диалектных групп по линии матери, хотя математическая обработка данных результатов и не выявила значительных контрастов: показатели употребления долгого варианта информантами 2-й группы соответственно во всех стилях равны: $\bar{x}_{2,1} = 53$ (самый высокий среди всех групп), $\bar{x}_{2,II} = 63,8$ (также самый высокий), $\bar{x}_{2,III} = 70$ (интервал показателей других групп — 47—78). Употребление краткого варианта в речи данной группы и при условии учета полудолгого варианта показывает противоположную картину: по линии отца $\bar{x}_{2,1} = 54$ (интервал 53—80), $\bar{x}_{2,II} = 38,2$ (самый низкий показатель), $\bar{x}_{2,III} = 30$ (интервал 16—61); по линии матери $\bar{x}_{2,1} = 40$ (самый низкий), $\bar{x}_{2,II} = 36$ (самый низкий), $\bar{x}_{2,III} = 24$ (интервал 18—37). С результатами 2-й группы весьма сходны результаты 1-й диалектной группы, что подтверждает предположение о влиянии диалекта родителей на речь их детей: именно эти территориальные диалекты наиболее хорошо сохраняют долготу гласных в конечной позиции в слове. Следует оговориться, что родители могут быть уже представителями „полудиалекта“, так как часто бывают только родом из местности, находящейся в пределах территории диалектов, но уже много лет проживают в г. Вильнюсе и не пользуются диалектом.

Не столь четкое, но ощутимое соответствие в употреблении долгих и кратких вариантов (неуд. $\bar{V} \#$) наблюдается при анализе результатов 4-й диалектной группы, отличающейся наибольшей склонностью к укорачиванию (неуд. $\bar{V} \#$). Показатели \bar{x}_4 в употреблении кратких вариантов во всех стилях приближаются к наибольшим значениям: по линии отца $\bar{x}_{4,1} = 71$ (интервал 53—80), $\bar{x}_{4,II} = 70$ (интервал 38,2—70), $\bar{x}_{4,III} = 61$ (интервал 16—61); по линии матери $\bar{x}_{4,1} = 55$ (интервал 40—77), $\bar{x}_{4,II} = 56$ (интервал 36—64), лишь $\bar{x}_{4,III} = 20$ (интервал 18—37). И наоборот, показатель \bar{x}_4 в употреблении долгих вариантов (неуд. $\bar{V} \#$) во всех стилях приближается к найменьшим значениям: по линии отца $\bar{x}_{4,1} = 23$ (интервал 11—36), $\bar{x}_{4,II} = 16$ (интервал 10—48,6), $\bar{x}_{4,III} = 30$.

(интервал 30–82); по линии матери $\bar{x}_{4,1} = 24$ (интервал 11–53), $\bar{x}_{4,11} = 22,6$ (интервал 20,57–63,8), $\bar{x}_{4,111} = 75$ (интервал 47–78). Данные показатели можно объяснить наличием реликтов жемайтской редукции конечных долгих гласных в неударной позиции, имеющей, однако, определенную специфику (см. в кн.: Zinkevičius Z., 1966, p. 115–118). В 6-й диалектной группе, результаты которой не оказались статистически релевантными, также можно проследить некоторые реликты укорачивания окончаний, характерные для паневежского диалекта (Zinkevičius Z., 1966, p. 119–120). Результаты 3, 5 и 7-й групп чаще всего оказываются в середине интервала средних частот, хотя показатели 3-й и 7-й диалектных групп приближаются к показателям групп, которым свойственны краткие варианты изучаемой переменной (3-я группа – дети вильнюсцев и каунасов, 7-я – дети уроженцев территории вильнюсского диалекта). Интересно отметить, что хотя три ступени долготы и присущи некоторым диалектам, в настоящем исследовании ощутимых реликтов обнаружить не удалось.

Резюмируя анализ возможного влияния диалектного происхождения родителей, можно отметить, что определенное влияние обнаружено; так, в частности: 1) наиболее четко выделяется речь информантов, родители которых являются уроженцами территории диалектов южных и западных аукштайтов, – для нее в меньшей степени характерно укорачивание долгих конечных неударных гласных; 2) наличие в родительских диалектах (напр., жемайтских, паневежском и др.) некоторых закономерностей укорачивания неударных окончаний способствует усилению тенденции укорачивания долгих гласных в неударном конце слова, имеющей место в ЛРКЛВ.

До настоящего времени в нашем исследовании изучалось варьирование социолингвистической переменной (неуд. $\bar{V}\#$), рассматривались его источники и несколько меньше внимания отводилось месту данной вариации в лингвистической системе ЛРКЛВ в целом. Поэтому ниже приводятся материалы аудиотестирования и спектрального анализа звуков, проведенных в рамках методов традиционной экспериментальной фонетики. Поскольку единственным экспериментальным методом фонологии является аудиотестирование (Girdenis A., 1981, p. 14), то результаты, добывшие методом спектрального анализа звуков, здесь рассматриваются как вспомогательные при объяснении результатов аудиотестирования.

Методом аудиотестирования исследовался материал, приведенный в т.н. полном стиле, т.е. без учета контекстуальных стилей. Проведено 8 экспериментов, в которых изучалась \bar{V}/\check{V} в неударной позиции в абсолютном конце слова.

Материал экспериментов аудиотестирования № 5–9, 11, 12 и отчасти 13 составили квазиомонимы, различающиеся наличием вышеуказанной оппозиции.

В экспериментах № 5–8 рассматривались квазиомонимы с оппозицией i/\check{i} : 5) *miřt̪* – *miřti*; *výt̪* – *výti*, *skilt̪* – *skilti*, *kárt̪i* – *kárti*, *skýst̪i* – *skýsti*; 6) *kártys* – *kártis*, *ántys* – *ántis*, *méntys* – *méntis*, *páltys* – *páltis*, *kándys* – *kándis*; 7) *pasibaigus̪i* – *pasibaigusi*, *pýlus̪i* – *pýlusı*, *daināvus̪i* – *daināvusi*,

svařsc̄ius̄i – svařsc̄iusi, sukaītus̄i – sukaītusi, 8) *qsōty – qsōti!*, *šal̄ty – šal̄ti!*, *mēdy – mēdi!*, *úosy – úosi!*). При обработке данных аудиотестирования получена вероятность, равная 0,95–0,999, что оппозиция \bar{V}/\bar{V} существует. Спектральный анализ звуков показал, что количественных различий в реализации данной оппозиции не наблюдается, абсолютная продолжительность изучаемых звуков различается незначительно: $\bar{x}_f = 40$ мс; $\bar{y}_f = 38$ мс; $s_{\bar{x}} = 13$; $s_{\bar{y}} = 21$, так как $t = 0,67 > 1,98$ ($P = 95\%$). Проведенный анализ качественных различий данной оппозиции подтвердил наличие определенных различий в напряженности звуков. Подсчет суммарного отклонения Δf формант F_1 и F_2 от формант нейтрального гласного [ə] дал следующие результаты: $(\Sigma \Delta \bar{f}_f = 260) - (\Sigma \Delta \bar{f}_i = |210|) = |50|$.

В эксперименте № 9 изучалась оппозиция ē/ě, осуществленная в формах *é*-основных имен существительных ед. ч. тв. и вин. п. (*veřl̄e – veřl̄'e*, *sil̄k̄e – sil̄k̄'e*, *lěl̄e – lěl̄'e*, *áukl̄e – áukle*, *bjaurýb̄e – bjaurýbe*). Подсчеты арифметических средних абсолютной продолжительности реализации данной оппозиции показали, что т.н. краткий гласный отличается большей продолжительностью, чем т.н. долгий: $\bar{x}_{\bar{e}} = 59$ мс, а $\bar{y}_{\bar{e}} = 64$ мс, $s_{\bar{x}} = 27$; $s_{\bar{y}} = 24$; $t = 0,59 < < 2,04$ ($P = 95\%$). Анализ качественной стороны изучаемых звуков (измерение формант F_1 и F_2) выявил факт, что различий в напряженности ē и ě не существует:

$$\Sigma \Delta \bar{f}_{\bar{e}} = |280| = \Sigma \Delta \bar{f}_{\check{e}} = |280|.$$

В эксперименте № 11 изучалась оппозиция á/ă в формах *a*-основных имен прилагательных и *o*-основных имен существительных в им., вин. и тв. п. ед. ч. (*kórp – kóra*, *lírp – lípa*, *dúonq – dúona*, *kiáurq – kiáura*, *lóvq – lóva*). При аудиотестировании получена вероятность существования оппозиции, равная 0,99. Спектральный анализ показал минимальное различие абсолютной продолжительности á и ă (статистически нерелевантное): $\bar{x}_{\bar{a}} = 60$ мс; $\bar{y}_{\bar{a}} = 58$ мс; $s_{\bar{x}} = 35$; $s_{\bar{y}} = 25$; так как $t = 0,29 < 1,99$ ($P = 95\%$). Качественные различия существуют, но они относительно невелики: $(\Sigma \Delta \bar{f}_{\bar{a}} = |290|) - (\Sigma \Delta \bar{f}_{\check{a}} = |270|) = |20|$.

В эксперименте № 13 изучались 2 пары условных квазиомонимов (слова с двумя оппозициями). В них осуществлялись оппозиции á/ă и ū/ū: формы глаголов изъявит. накл. наст. вр. 3 л. и *o*-основных имен существительных в вин. п. ед. ч. (*sāla – sālq*, *bāla – bālq*, *rāstu – rāstq*, *prakásstu – prakásťq*). Получены результаты, аналогичные результатам эксперимента № 11.

В эксперименте № 12 изучалась оппозиция ū/ū, реализованная в формах *a*- и *ia*-основных имен существительных род. п. мн. ч. и тв. п. ед. ч. Гласные ū и ū аудиторами различались с вероятностью, равной 0,999. Спектральный анализ звуков выявил, что статистически значимое различие абсолютной продолжительности данных гласных отсутствует: $\bar{x}_{\bar{u}} = 70$ мс; $\bar{y}_{\bar{u}} = 56$ мс; $s_{\bar{x}} = 38$; $s_{\bar{y}} = 28$; так как $t = 1,48 < 2,01$ ($P = 95\%$). Анализ качественной стороны оппозиции ū/ū показал, что напряженнее произносится т.н. ū:

$$(\Sigma \Delta \bar{f}_{\bar{u}} = |240|) - (\Sigma \Delta \bar{f}_{\check{u}} = |290|) = |50|.$$

Методами экспериментальной фонетики удалось установить следующее: существуют лишь минимальные качественные и количественные различия трех вариантов (неуд. $\bar{V}\#$), но варианты хорошо различаются аудиторами. По-видимому, большую роль играет контекст, лингвистические пресуппозиции: в связном тексте осуществление \bar{V}/\check{V} менее релевантно, чем в случаях произношения отдельных слов. Тот факт, что аудиторы различали слова не со 100 %-ной вероятностью, может служить доказательством существования общего процесса нивелирования \bar{V}/\check{V} .

Социолингвистическое изучение ЛРКЛВ имело две стороны – объективную и субъективную. До настоящего времени рассматривалась объективная сторона варьирования (неуд. $\bar{V}\#$). В VII разделе социолингвистической анкеты (см. прил. 3) информантам предлагалось указать собственное произношение переменной (неуд. $\bar{V}\#$): 1) *dvi valtis* или *dvi valtys*, 2) *dvi antis* или *dvi antys*, 3) *dvi ausis* или *dvi ausys* (указывалось, что это формы им. п. мн. ч.). Настоящие данные характеризуют ценностную ориентацию, которой придерживаются члены вильнюсского речевого коллектива в отношении выбора (неуд. $\bar{V}\#$), иными словами – субъективную сторону языка.

Материалы анкетирования (см. рис. 6.1) свидетельствуют, что 13 респондентов, т.е. 18,57 %, указали на произношение кратких вариантов (трех, двух или одного), 8 (11,43 %) – на краткое произношение всех трех примеров. Среди информантов, указавших на краткий вариант, нет таких, у кого родители ведут происхождение с территории западноакштайтского диалекта, лишь у одного информанта отец был с территории южноакштайтского диалекта. Родители данных 13 респондентов в основном происходили с территории восточноакштайтского диалекта, городов Вильнюса и Каунаса. Как показал дисперсионный анализ, речь информантов, родители которых ведут свое происхождение с территории данных диалектов, не выделяется на фоне речи всей совокупности информантов ЛРКЛВ, но с другой стороны, по-видимому, эта речь и наделена свойством ЛРКЛВ – тенденцией укорачивания конечных долгих неударных гласных.

Сопоставительный анализ магнитных записей речи указанных 13 информантов и их субъективных суждений, содержащихся в ответах на вопросы анкеты, показал, что в целом речи всех их свойственно укорачивание долгих неударных гласных в конечной позиции, но в меньшей степени, чем указано ими самими: человек употребляет краткие варианты (неуд. $\bar{V}\#$), но сам думает, что употребляет их чаще, чем это оказывается на деле.

Социолингвистическая норма (неуд. $\bar{V}\#$), хотя и находится еще на этапе становления, уже начинает осознаваться представителями вильнюсского речевого коллектива. В подтверждение можно привести ответы на социолингвистическую анкету, а также тот факт, что представители ЛРКЛВ признают: в целом они склонны к укорачиванию долгих гласных.

4.1.2. Неударные *i*, *ē*, *ā*, *ū* в неконечной позиции в слове. В литовском литературном языке долгие гласные произносятся долго и напряженно несмотря на позицию в слове и наличие ударения.

В литовских диалектах наблюдаются факты произношения *i*, *ē*, *ā*, *ī* в неконечной позиции в слове не под ударением вместо *ī*, *ē*, *ā*, *ī* (примерно на четверти территории, см.: Zinkevičius Z., 1966, p. 109–110). В некоторых говорах аукштайтов существует четкая система долготы гласных трех степеней, поэтому долгие неударные гласные там переходят в полудолгие. Часть жемайтолов также укорачивают долгие гласные в данной позиции, но из-за сложностей акцентуации такая закономерность приобретает определенную специфику (см. там же, с. 111). В целом примерно на половине территории Литвы действует закон укорачивания долгих неударных гласных, в различных говорах характеризующийся рядом исключений и особенностей.

Социолингвистическая переменная неударных *i*, *ē*, *ā*, *ī* в неконечной позиции в слове (неуд. \bar{VC}) является одной из самых ярких в ЛРКЛВ: наблюдается почти всеобщее употребление краткого ее варианта. Градация (неуд. \bar{VC}) упрощена по сравнению с градацией (неуд. $\bar{V}^{\#}$), так как различие полудолгого варианта оказалось затруднительным: по существу употребляются краткие и полудолгие варианты, но в эмфазе полудолгие гласные могут быть произнесены как долгие.

Насчитываются целый ряд позиций, в которых встречается (неуд. \bar{VC}):
 1) в абсолютном начале слова, напр.: [i] или [i.] ([i·]) – [ipat'iŋgas] или [i.patiŋgas] „ypatingas“, [is'in'eš'ē] или [i.s'in'eš'ē] „isinešē“ (прост. прош. вр., 3 л.); [a] или [a.] ([a·]) – [ažuol'inas] или [a.žuol'inas] „ažuolýnas“; [u] или [u.] ([u·]) – [ukv'ed'is] или [u.kv'ed'is] „ūkvedýs“; 2) во II и далее предударных слогах, напр.: [i] или [i.] ([i·]) – [r'iš't'iŋgùmas] или [r'i.š't'iŋgùmas] „ryžtingùmas“, [n'eis'ibráus'i] или [n'eis'ibráus'i] „nejsibráusi“ (буд. вр. ед. ч., II л.); [e] или [e.] ([e·]) – [t'es'in'is] или [t'e.s'in'is] „tēsinýs“; [a] или [a.] ([a·]) – [saž'in'iŋgas] или [sa.ž'in'iŋgas] „säžiningas“; [u] или [u.] ([u·]) – [kud'ik'ë'lis] или [ku.d'ik'ë'lis] „kūdikélis“; 3) I предударном слоге: а) если гласный в слоге под ударением долгий, напр.: [i] или [i.] ([i·]) – [g'iv'æna] или [g'i.v'æna] „gyvěna“ (наст. вр., 3 л.); [a] или [a.] ([a·]) – [raž'it'is] или [ra.ž'it'is] „ražytis“; [u] или [u.] ([u·]) – [ruk'it'i] или [ru.k'it'i] „rūkyti“ и б) если гласный в слоге под ударением краткий, напр.: [i] или [i.] ([i·]) – [sugr'iž'imas] или [sugr'i.ž'imas] „sugrižimas“; [e] или [e.] ([e·]) – [prat'es'imas] или [prat'e.s'imas] „pratesimas“; [a] или [a.] ([a·]) – [gražà] или [gra.žà] „grąžà“; [u] или [u.] ([u·]) – [n'æsurùs] или [n'æsu.rùs] „nesurùs“; 4) в заударных слогах, напр.: [i] или [i.] ([i·]) – [pùs'r'ič'æj] или [pùs'r'i.č'æj] „pùsryčiai“; [e] или [e.] ([e·]) – [iž'gr'ež'ē] или [iž'gr'e.ž'ē] „išgręžę“ [прост. прош. вр., 3 л.]; [a] или [a.] ([a·]) – [mäžajæ·] или [mäža.jæ·] „mäžają“ (вин. п. ед. ч.); [u] или [u.] ([u·]) – [pósuk'is] или [pōsu.k'is] „pósukis“.

Анализ материала для исследования (неуд. \bar{VC}), полученного путем интервью, проводился без учета позиций, в которых встречается данная переменная в слове, так как его оказалось недостаточно для такой цели. Учитывались возрастные (A_1 , A_2 , A_3) и образовательные (C_1 , C_2) группы, а также два контекстуальных стиля (B_1 и B_2) (в стиле B_3 , т.е. при чтении квазиомонимов, данная переменная встречалась слишком редко). Была подсчитана час-

тота долгого и краткого варианта (неуд. \bar{VC}) (в %) и составлен график с учетом факторов возраста (A), уровня образования (C) и стиля (B). Учитывалась и речь группы актеров и дикторов радио (C_3) (см. рис. 5.1).

Варьирование (неуд. \bar{VC}) в целом без учета речи группы актеров и дикторов небольшое. Большого сдвига не наблюдается, в официальном ненаправленном стиле (B_2) лишь незначительно больше употребляется долгих вариантов, доверительные интервалы перекрещиваются. Употребление долгих вариантов статистически значимо различается лишь в речи младшей группы с более низким и высоким уровнем образования: доверительные интервалы не перекрещиваются – 11–17 % и 0–8 %. В группе актеров и дикторов показатель частоты долгого варианта, хотя и значительно выше, чем в остальных группах (в других группах он колеблется в интервале 4–24 %), все же относительно невысок: 66 % в B_1 и 70 в B_2 .

Результаты анализа распределения (неуд. \bar{VC}) в ЛРКЛВ позволяют делать вывод, что данная переменная приобрела лингвистический статус: она почти не поддается ни стратификационному, ни ситуативному варьированию и все же (неуд. \bar{VC}) остается социолингвистической переменной, так как варьирование существует: не всегда \bar{i} , \bar{e} , \bar{a} , $\bar{\bar{u}}$ в неконечной безударной позиции произносятся как \bar{i} , \bar{e} , \bar{a} , $\bar{\bar{u}}$ – лишь приблизительно в 4/5 случаев.

Анализ речи информантов, для которых не характерно указанное употребление (неуд. \bar{VC}), показал, что главным фактором, объясняющим „некарактерность“ их речи для ЛРКЛВ, является диалектное происхождение их родителей. Оба родителя (или один) информантов из группы „некарактерных“ в данном отношении были с территории тех литовских диалектов, которым не свойственно укорачивание долгих гласных в неконечной позиции.

Исследование субъективной стороны данного вопроса, т.е. анализ ответов на анкету, позволил уточнить социолингвистическую норму краткого произношения (неуд. \bar{VC}) (в анкете имелись примеры (неуд. \bar{VC}) во всех вышеуказанных позициях в слове).

Употребление (неуд. \bar{VC}), реализуемой в абсолютном начале слова, определялось по ответам о произношении слов *q̄sot̄elis*, *q̄sēlē*, *q̄žuol̄ýnas*, *ūsúoias*. В целом частота указаний на употребление долгого варианта в первых трех словах относительно невысокая (интервал 0–40 %) (см. рис. 6.2), что в определенной мере почти соответствует реальному употреблению (неуд. \bar{VC}), изображеному в проанализированном выше графике. Не во всех трех словах указывается одинаковое произношение \bar{a} : в слове *q̄žuol̄ýnas* употребление долгого варианта чаще (22–40 %), в слове *q̄sēlē* – реже (0–40 %). Интересно отметить, что наблюдаются некоторые расхождения указаний респондентов относительно уровня образования, особенно в первых двух словах: респонденты с высоким уровнем образования, особенно в старшей и средней возрастных группах, реже указывают на употребление ими долгого варианта (неуд. \bar{VC}) в данных словах, чем респонденты с более низким уровнем образования.

Следует подчеркнуть, что показатель частоты долгого варианта в речи группы актеров и дикторов весьма невысок — 33 %.

Слова *q̄sotēlis* и *q̄zuolýnas* были включены в связной текст, который при интервьюировании прочитали все информанты. Сравнение реального употребления долгого варианта в данных словах с субъективными суждениями респондентов показало, что завысили свои показатели в анкетах именно те респонденты, в речи которых никогда или почти никогда не встречается долгий вариант, напр.: в речи старшей группы с более низким уровнем образования (A_1C_1), по данным интервью, в словах *q̄sotēlis* и *q̄zuolýnas* частота долгого варианта составляет лишь 4 %, а в анкетах указано 40. Такое положение зафиксировано во всех группах, особенно с более низким уровнем образования, за исключением группы актеров и дикторов: они занизили свой показатель в анкетах (33 %) по сравнению с действительностью (90 % употребления долгого варианта в тексте).

Анализ употребления долгого варианта в слове *ūsúotas* (хотя оно и относится к данной группе слов) содержится ниже, где исследуется группа слов с (неуд. $\bar{V}C$) в позиции перед долгим ударным слогом, так как подчиняется законам этой группы.

Сравнение реализации долгого варианта (неуд. $\bar{V}C$) в официальном ненаправленном стиле с субъективными суждениями говорящих позволяет сделать вывод, что показатели употребления долгого варианта в речи завышены: по-видимому, имело место влияние графического изображения слова.

Долгий вариант (неуд. $\bar{V}C$) в абсолютном начале слова в ЛРКЛВ встречается весьма редко, чему причиной, по-видимому, служит тот факт, что долгота гласных в данном положении часто является историческим реликтом и никакой дистинктивной функции не выполняет.

Распределение частот долгого варианта (неуд. $\bar{V}C$), реализуемое во II и далее предударных слогах (в анкете иллюстрируется словами *t̄esinýs*, *gr̄ežinýs*), носит несколько иной характер, чем в позиции абсолютного начала слова (см. рис. 6.3). В обоих словах указывается относительно равномерная и не слишком высокая частота употребления долгого варианта *ē*, в среднем 30 — 40 %. Показатель в слове *gr̄ežinýs* в средней возрастной группе с более низким уровнем образования, правда, резко повышается — до 56 %, но в младшей группе с высоким уровнем образования падает до 14 %. Здесь, как и при анализе ответов анкеты о распределении вариантов (неуд. $\bar{V}C$) в абсолютном начале слова, наблюдается снижение показателей частот долгого варианта в группе с более высоким уровнем образования. В группе актеров и дикторов показатель частоты высок: 68 % для слова *gr̄ežinýs* и 78 % для слова *t̄esinýs*.

Сравнение частоты употребления долгого варианта (неуд. $\bar{V}C$) в реальной речи информантов с их субъективными суждениями рисует аналогичную картину, как и при разборе (неуд. $\bar{V}C$) в позиции абсолютного начала слова: в анкетах показатели несколько завышены, особенно в группах с более низким уровнем образования, и занижены в группе актеров и дикторов.

В употреблении долгого варианта (неуд. $\bar{V}C$), реализуемой во II и далее предударных слогах, наблюдается тенденция перехода к употреблению краткого варианта, особенно в словах с исторически долгими гласными – носовыми *ą* и *ę*.

Данный вывод подтверждает анализ ответов на анкету, направленный на изучение распределения долгого варианта (неуд. $\bar{V}C$), реализуемой в I предударном слоге перед долгим ударным. Данная позиция (неуд. $\bar{V}C$) в анкете иллюстрируется следующими примерами: *plytēlē*, *gyvēnti*, *vyriāusias*, *drq̄suōlis*, *žq̄sēlē*, *rūkýti*, *grūdaī*. В графике (см. рис. 6.4) четко разделяются две группы слов: линии частот *drq̄suōlis* и *rūkýti* рисуют аналогичную картину, как и в примерах к позиции абсолютного начала слова (*qsotēlis*, *qsēlē*, *qžuolýnas*, см. рис. 6.2), линии слов *plytēlē*, *gyvēnti*, *vyriāusias*, *rūkýti*, *grūdaī* – как линия слова *īsūotas*, т.е. в позиции абсолютного начала слова. В настоящих 6 словах респонденты указывают на употребление ими долгого варианта (неуд. $\bar{V}C$) гораздо чаще (интервал 33–100 %, основные частоты распределены в интервале 60–90 %). Здесь наблюдается обратная картина, чем в приведенных выше примерах: если в абсолютном начале слова на употребление долгого варианта чаще указывали представители групп с меньшим уровнем образования, то в позиции в I предударном слоге перед долгим ударным слогом на употребление долгого варианта чаще указывали представители групп с высоким уровнем образования.

Слова *plytēlē* и *gyvēnti* были включены в связной текст, который прочитали все интервьюируемые лица. Реальное употребление долгого варианта (неуд. $\bar{V}C$) в данных словах не соответствует субъективным суждениям респондентов о своей собственной речи: за исключением речи дикторов и актеров, долгий вариант во всех группах не употреблялся чаще чем в 20 % случаев. Показатели частоты долгого варианта в изучаемой позиции в отношении возрастных групп несколько выделяются лишь в старшей возрастной группе с меньшим уровнем образования – они расположены ниже, в интервале 20–60 %. При чтении текста долгие варианты употреблял лишь один представитель данной группы, родители которого родом из местности на территории южных аукштайтов, – они, как известно, сохраняют долготу гласного в данной позиции.

Изучение распределения долгого варианта (неуд. $\bar{V}C$), реализуемой в I предударном слоге перед кратким ударным слогом, велось на примерах *sugr̄žimas*, *Kestūtis*, *trešimas*, *sugražino*, *siuſtūvas*, включенных в анкету. В данных словах изучаемую переменную представляют *i*, *e*, *ą*, *ę*. Линии распределения частот долгого варианта в словах *Kestūtis*, *trešimas*, *sugražino* (см. рис. 6.5) схожи с линиями других проанализированных примеров с носовыми гласными: на более частое употребление долгого варианта здесь также указывали группы с меньшим уровнем образования, частота указаний на употребление долгого варианта в целом сравнительно низкая (25–57 %). Линии слов *sugr̄žimas* и *siuſtūvas* как бы принадлежат другому типу: они расположены значи-

тельно выше (достигают отметки 90 %) и не симметричны в отношении уровня образования, напр.: высшие пики принадлежат старшей возрастной группе с высоким уровнем образования и младшой с более низким. По-видимому, здесь играет роль тот факт, что в речи часто употребляются родственные слова с наличием ударения на изучаемых долгих гласных: *sugrižo*, *siūsti* и т.п.

Слова *sugrižimas*, *Kęstutis*, *sugražino* были включены в связной текст, который прочитали интервьюируемые. Во всех словах долгие гласные произнесли лишь дикторы радио и два представителя среднего поколения вильнюсцев, родители которых были родом из местностей на территории западных и южных аукштайтов. Хотя в говорах широко распространено долгое произношение носовых гласных, в ЛРКЛВ реликтов данного явления почти не наблюдается. Даже в речи актеров долгое произношение данных гласных в тексте имело место лишь в 40 % всех зафиксированных случаев. Единичные факты произнесения долгого гласного в одном или двух указанных словах засвидетельствованы в 9 % всех случаев (без учета группы дикторов и актеров), чаще в слове *sugrižimas*. Ни одного случая произнесения долгого варианта (неуд. \bar{VC}) в изучаемой позиции не встретилось в речи представителей старшего поколения.

Распределение долгого варианта (неуд. \bar{VC}), реализуемой в послеударном слоге, изучалось на примерах *šlūostytī*, *kráustytī*, *džiáustytī*, включенных в анкету (см. рис. 6.6). Респонденты указали на относительно частое употребление ими долгого варианта (большинство частот расположено в интервале 60–80 %). Четкой стратификации не наблюдается ни по линии возрастного, ни по линии образовательного факторов. Несколько выделяется средняя возрастная группа с высоким уровнем образования: они более скептически расценивают свою собственную речь, однако указанная ими частота все же завышена – 33–56 % употреблений долгого варианта, когда на самом деле эта цифра должна быть примерно наполовину меньше.

Слово *kráustytī* было включено в связной текст для интервью. Употребление долгого варианта зафиксировано в 23% случаев (без учета группы актеров и дикторов), в основном в речи информантов среднего поколения, родители которых происходят с территории южно- или западноаукштайтских диалектов.

Изучение субъективной стороны употребления того или иного варианта произношения позволяет делать вывод о существовании двух социолингвистических норм. Первая распространяется на слова с носовыми гласными, напр.: *Kęstutis*, *qžuolýnas*, *sugražino* и др., и может быть сформулирована следующим образом: произнесение долгих носовых гласных в неконечной неударной позиции в слове необязательно, хотя и возможно. Нередко выбор варианта (неуд. \bar{VC}) зависит от формальности ситуации (при чтении текста долгий вариант употребляется чаще, чем в непринужденной речи), от субъективного отношения к своей речи (в официальных ситуациях некоторые стремятся правильно произносить (неуд. \bar{VC}) и, наконец, от диалектного происхождения родителей (если человек сроду не слыхал долгого варианта данной перемен-

ной, в его собственной речи даже при средних усилиях соблюдать правильность речи долгие варианты будут весьма редки). Данный тип вариации социолингвистической переменной можно считать типом внутриличностных вариаций (см. Белл Р., 1980, с. 58): варьирование обусловлено не лингвистическими и не статистическими категориями демографии, а динамическими аспектами ситуативного использования языка. И все же переменную нельзя считать ситуативной, так как она не поддается стилистической стратификации. Вариация данной переменной может быть характеризована как встречаемостная (там же, с. 61): она никогда не может быть предсказана.

Вторая социолингвистическая норма употребления (неуд. \bar{VC}) распространяется на слова с долгими, но не с носовыми гласными, напр.: *gyvēna*, *šypsótis*, *plytēlē* и др.: существует норма выбора долгого варианта переменной, позволяющая, однако, без определенного стратификационного или ситуативного ограничения употреблять краткий вариант. На это указывает тот факт, что слои населения с более низким уровнем образования при субъективных суждениях о своей речи выбирают краткий вариант переменной чаще, чем слои с высоким уровнем образования, что свидетельствует об отсутствии стилистического варьирования и закрепления за долгим вариантом (неуд. \bar{VC}) статуса престижной речи.

Принятие более строгой нормы, каковой является первая, обозначало бы явный поворот к утрате оппозиции долгих и кратких гласных в целом и замене ее оппозицией ударных и неударных гласных. Субъективные суждения респондентов так сильно расходятся с реальным положением потому, что в ЛРКЛВ на настоящей стадии ее развития первая оппозиция не может быть полностью заменена второй: сознательное признание факта, что в 4/5 случаев долгий неударный гласный произносится кратко, обозначало бы: нормой произношения является краткий вариант, т.е. утрата \bar{V}/\bar{V} . Таким образом, краткий вариант произношения (неуд. \bar{VC}) существует как норма, которая, в противоположность норме произношения исторических носовых гласных в неконечной неударной позиции, является неосознанной.

4.2.1. Ударные *i*, *ē*, *ă*, *ÿ* в конечной позиции в слове. В литовском литературном языке, как и в диалектах, ударные *i*, *ē*, *ă*, *ÿ* в абсолютном конце слова или перед -*z* всегда произносятся кратко. В некоторых пограничных со славянами говорах и в речи некоторых билингвов наблюдается полудолгое или долгое произношение данных гласных (см. Zinkevičius Z., 1966, р. 104, 107).

В речи вильнюсцев встречаются факты краткого, полудолгого и долгого (в эмфазе) произношения изучаемых гласных в следующих позициях: 1) после слога с долгим гласным или двугласным, напр.: [i] или [i.] ([i·]) – [su·r'i] или [sur'i.] „sūrī“, [e] или [e.] ([e·]) – [k'æl'uōsə] или [k'æl'uōs'ə.] „keliuosė“ (предл. п. мн. ч.), [a] или [a.] ([a·]) – [ruošà] или [ruošā.] „ruošā“, [u] или [u.] ([u·]) – [ru's'ū] или [rus'ū.] „rūsiù“ (тв. п. ед. ч.); 2) после слога с кратким гласным, напр.: [i] или [i.] ([i·]) – [n'eš'i] или [n'eš'i.] „neši“ (2 л. ед. ч. наст. вр.), [e] или [e.] ([e·]) – [kat'a] или [kat'a.] „katė“ (тв. п. ед. ч.), [a] или [a.] ([a·]) –

[balà] или [balà.] „balà“ (им. или тв. п. ед. ч.), [u] или [u.] ([u']) – [g'ægrù] или [g'ægrù.] „gerù“ (тв. п. ед. ч.).

Шкала социолингвистической переменной кратких ударных гласных в конечной позиции (далее уд. ũ#) содержит два значения: краткого и долгого вариантов. Полудолгий гласный в эмфазе может достичь долготы настоящего долгого гласного. Данная переменная не характерна для ЛРКЛВ, но так как система литовского языка противоречит появлению долгого варианта (уд. ũ#), факты его появления в речи становятся очень заметными и расцениваются как жаргонные или интерферентные.

В настоящем исследовании данная переменная изучалась только на материале социолингвистического интервью в стилях B₁ и B₂.

Из-за переменчивости акцентуации, которая здесь не рассматривается, наличие слов с (уд. ũ#) варьирует от информанта к информанту. Если слова, напр., *baltì* (им. п. мн. ч.), *namè* (предл. п. ед. ч.), *kalbà* (им. или тв. п. ед. ч.), *kitùs* (вин. п. мн. ч.), все информанты произносят с (уд. ũ#), то такие слова, как напр., *aštouoni*, *musè* (тв. п. ед. ч.), *dienàs* (вин. п. мн. ч.), *maloniùs* (вин. п. мн. ч.), в ЛРКЛВ часто теряют (уд. ũ#): ударение оттягивается на предпоследний слог. В редких случаях наблюдается появление (уд. ũ#) благодаря гиперкоррекции, т.е. переносу ударения на последний слог, напр., *širdis* (вин. п. мн. ч., = *širdis*), *nendrès* (вин. п. мн. ч., = *néndres*), *galvàs* (вин. п. мн. ч., = *gálvas*), *rùscìus* (вин. п. мн. ч., = *rùscìus*). Напр., при чтении связного текста во время интервьюирования встречаются следующие случаи гиперкоррекции, способствующие появлению (уд. ũ#): *devynìs* (вин. п., = *devýnis*), *vienù* (тв. п., = *vienu*), *auklè* (тв. п. ед. ч., = *áukle*), *mergaitès* (вин. п. мн. ч., = *mergáites*), *bjaurybè* (тв. п. ед. ч., = *bjaurýbe*).

Изучение текстов интервьюирования показало, что долгий вариант (уд. ũ#) в ЛРКЛВ встречается редко (см. рис. 5.2): интервал частот краткого варианта переменной высок – 76 – 100%. Несколько больше долгих вариантов зафиксировано в речи молодежи, хотя статистически значимо различаются лишь две частоты в стиле B₂: старшей группы с высоким уровнем образования и младшей с более низким (86 ÷ 96% и 70 ÷ 82%). Здесь следует внести некоторые коррективы: в речи представителей старшего поколения долгий вариант встречается даже чаще, чем в речи молодежи. Но вообще (уд. ũ#) в их речи наблюдается очень редко, – представители старшего поколения чаще оттягивают ударение на предыдущий слог. В речи молодежи чаще встречаются гиперкорректные формы, что в общей сложности способствует снижению показателя частоты краткого варианта.

В связном тексте интервьюирования содержалось 36 примеров ё (уд. ũ#) в многосложных словах и 21 – в односложных. Все односложные слова в потоке речи, за исключением слова *dvi*, становились проклитиками или энклитиками, лишь в некоторых случаях в словах *nèt*, *bèt*, *nès*, *cià* наблюдалось употребление долгого варианта (уд. ũ#). Лишь 1/3 из 36 многосложных слов с наличием (уд. ũ#) всегда сохраняла ударение на последнем слоге: *manè* (вин. п. ед. ч.), *tadà*, *kurìs*, *tikrù* (тв. п. ед. ч.), *niekadà*, *namè* (предл. п. ед. ч.), *aplinkà*,

lietūs, *piltė* („будинис“, отглагольное наречие). Некоторые слова (из данных 36) лишь в речи нескольких информантов встречались с наличием (уд. $\check{V}\#$), напр.: *sklyrù* (тв. п. ед. ч.), *ievà* (тв. п. ед. ч.), *vertè* (тв. п. ед. ч.), *Džekù* (тв. п. ед. ч.), *Džimìù* (тв. п. ед. ч.).

Социолингвистическая переменная (уд. $\check{V}\#$) находится на этапе становления, это характерный пример ингерентной вариации (Белл Р., 1980, с. 58 – 59): она совершенно непредсказуема даже в речи одного и того же лица в одной и той же ситуации.

Вопрос социолингвистической нормы (уд. $\check{V}\#$) в ЛРКЛВ сложный: ни один представитель данного речевого коллектива сознательно не признает, что долгий вариант (уд. $\check{V}\#$) является нормативным даже в вильнюсской речи, такое употребление переменной во всех случаях считается одиозным. На самом деле в ЛРКЛВ долгий вариант (уд. $\check{V}\#$) является системным. И системность зависит от того, насколько глубоко в речи информанта укоренилась тенденция долгого произношения всех ударных гласных, как долгих, так и кратких по происхождению.

4.2.2. Ударные *i*, *ē*, *ā*, *ī* в неконечной позиции в слове. В литовском литературном языке *i*, *ē*, *ā*, *ī* под ударением произносятся кратко. Слов с ударными *i* и *ī* в литовском литературном языке насчитывается много, а с ударными *ē* и *ā* – ограниченное число, так как данные гласные подвергались вторичному удлинению (Zinkevičius Z., 1981, d. 1, p. 57). Ударные *ē* и *ā* во всех случаях не подлежат удлинению лишь в диалекте западных жемайтов, в остальных диалектах наличие кратких гласных в различных грамматических формах варьирует: одни удлиняют данные гласные в одних формах, другие – в других (Zinkevičius Z., 1966, p. 103 – 107). Гласные *i* и *ī* под ударением в диалектах удлиняются реже, чем *ē* и *ā*: большая часть жемайтов, западные и южные аукштайты, т.е. население почти половины территории Литвы, ударных *i* и *ī* не удлиняют, только в некоторых случаях расширяют (там же, p. 107 – 108).

Гласные *i*, *ē*, *ā*, *ī* входят в состав тавтосиллабических сочетаний *i*, *ē*, *ā*, *ī+r*, *l*, *m*, *n*, но лишь в сочетаниях с *i* и *ī* при условии наличия ударения на 1-м компоненте произносятся *i* и *ī*. Гласный *ē* входит в состав двугласного *ui*, где при условии наличия ударения на 1-м компоненте также произносится кратко.

В диалектах *i*, *ī+r*, *l*, *m*, *n* и *ui* 1-й компонент произносят кратко или незначительно удлиняют лишь часть западных аукштайтов, некоторые полограничные жемайты и носители говора Зетели, т.е. такая особенность наблюдается в небольшой части диалектов (см. Zinkevičius Z., 1966, p. 108 – 109).

Шкала социолингвистической переменной кратких ударных гласных в неконечной позиции (далее (уд. $\check{V}C$)) состоит из трех градаций: краткого, полудолгого и долгого вариантов. В конечном счете полудолгие и долгие варианты рассматриваются вместе как индикаторы удлинения гласного. Изучаемая переменная очень характерна для ЛРКЛВ. По-видимому, большую роль играет тот факт, что употребление долгих (полудолгих) вариантов имеет много соответствий в говорах.

В речи вильнюсцев (уд. ŽC) появляется в следующих позициях: 1) в абсолютном начале слова, напр.: [i], [i.], [i·] – [ima], [i.ma], [i.ma] „ima“ (наст. вр., 3 л.), [ir't'i], [i.r't'i], [ir't'i] „irti“, [e], [e.], [e·] – (только в словах иноязычного происхождения) [estas], [é.stas], [ëstas] „estas“, [émka], [é.mka], [ëmka] „èmka“, мотоцикл марки МК, [a], [a.], [a·] – [ät'n'æša], [ä.t'n'æša], [ät'n'æša] – „ätneša“ (наст. вр., 3 л.), [äm't'el'e·t'i], [ä.mt'el'e·t'i], [äm't'el'e·t'i] „ämteléti“, [u], [u.], [u·] – [üs'k'iša], [ü.s'k'iša], [üs'k'iša] „üzkiša“ (наст. вр., 3 л.), [üjt'i], [ü.jt'i], [üjt'i] „ütì“; [ürmu], [ü.rmu], [ürmu] „ürmu“; 2) перед слогом с долгим гласным (или сочетанием), напр., [i], [i.], [i·] – [k'ita·], [k'íta·] „kità“ (вин. п. ед. ч.), [p'ilna·], [p'i.lna·], [p'ilna·] „pllnä“ (вин. п. ед. ч.), [e], [e.], [e·] – [bal't'ës'n'i·], [bal't'ës'n'i·], [bal't'ës'n'i·] „baltësnì“ (вин. п. ед. ч.), [a], [a.], [a·] – [mànq·], [må.nq·], [mänq·], „mànq“ (притяж. местоим.), [u], [u.], [u·] – [bùvø·], [bù.vø·], [bùvø·] „bùvø“ (прост. прош. вр., 3 л.), [zùjk'i·], [zù.jk'i·], [zùjk'i·] „zùikì“ (вин. п. ед. ч.), [mùr'gd'i·t'i], [mú.r'gd'i·t'i], [mùr'gd'i·t'i] „mùrkdyti“; 3) перед слогом с кратким гласным, напр.: [i], [i.], [i·] – [v'isas], [v'i.sas], [v'isas] „visas“, [p'il't'i], [p'i.l't'i], [p'il't'i] „pilti“, [e], [e.], [e·] – [žal'ës'n'is], [žal'ë.s'n'is], [žal'ës'n'is] „žalësnis“, [a], [a.], [a·] – [jæunäs'is], [jæunä.s'is], [jæunäs'is] „jaunäsìs“, [u], [u.], [u·] – [sùka], [sù ka], [sùka] „sùka“ (наст. вр., 3л.) [zùjk'is], [zù.jk'is], [zùjk'is] „zùkis“, [pùl't'i], [pù.l't'i], [pùl't'i] „pùlti“, 4) после слога с долгим гласным (или сочетанием), напр.: [i], [i.], [i·] – [r' i·t'ln'is], [r'it'l.n'is], [r'it'in'is] „rytinis“, [i·p'il't'i], [i·p'i.l't'i], [i·p' i l't'i] „ipilti“, [e], [e.], [e·] – [apku'n'ës'n'is], [apku'n'ë.s'n'is], [apku'n'ës'n'is] „apkùnësnis“, [a], [a.], [a·] – [g'i'väs'is], [g'ivä.s'is], [g'ivä.s'is] „gyväsìs“, [u], [u.], [u·] – [n'ü'rùs'is], [n'üru.s'is], [n'ü'rùs'is] „niürüsìs“, [i·pùl't'i], [ipù.l't'i], [ipùl't'i] „ipùlti“, 5) после слога с кратким гласным, напр.: [i], [i.], [i·] – [už'm'lk't'i], [už'm'lkt'i], [už'm'íkt'i] „užmigtì“, [nut'il't'i], [nut'i.l't'i], [nut'il't'i] „nutlti“, [e], [e.], [e·] – [suv'ës't'i], [suv'ë.s't'i], [suv'ës't'i] „suvësti“, [a], [a.], [a·] – [n'ækä.s'ù], [n'ækä.s'ù], [n'ækä.s'ù] „nekäsiu“, [u], [u.], [u·] – [uš'č'üpt'i], [uš'č'ü.pt'i], [uš'č'ü.pt'i] „užciüpti“, [ižgùjt'i], [ižgù.jt'i], [ižgùjt'i] „išgüti“, [pr'ikùl't'i], [pr'ikù.l't'i] [pr'ikùl't'i], „prikùlti“.

В настоящем исследовании (уд. ŽC) изучалась на материале текстов интервьюирования в стилях B₁, B₂ и B₃ и на материале ответов на анкету, кроме того, проводились аудиотестирование и спектральный анализ звуков.

Анализ текстов интервьюирования, при котором не учитывалась позиция (уд. ŽC) в слове, но учитывались факторы возраста (A), контекстуального стиля (B) и уровня образования (C), показал, что употребление вариантов (уд. ŽC) значительно различается в возрастных группах (см. рис. 5.3). Определение доверительных интервалов выявило, что, за исключением старшей и младшей групп информантов с высоким уровнем образования, переменная носит характер ситуативный, потому что существует наглядное варьирование в различных контекстуальных стилях. В речи группы актеров и дикторов факты употребления долгого варианта (уд. ŽC) наблюдаются лишь когда ī, īl входят в состав тавтосиллабических сочетаний или двугласного ui и то отно-

сительно редко: показатели краткого варианта (уд. $\tilde{V}C$) находятся в интервале 91–100%.

В текстах интервьюирования наблюдаются в основном краткие и полудолгие варианты, а невысокий процент (1–17) частоты долгих вариантов обусловлен тем, что долгие варианты обычно могут появляться в двух случаях: 1) если изучаемые гласные входят в состав тавтосиллабических сочетаний или двугласного *ii* и 2) если произношение слов с данной переменной подлежит и большому варьированию в диалектном отношении, и составляют своего рода исключения из общих правил акцентуации в литературном языке. По данной причине был составлен график лишь употребления краткого (соответственно – долгого) варианта (уд. $\tilde{V}C$).

Анализ качественных и количественных характеристик, а также наличия оппозиции между краткими и долгими ударными гласными в словах-омонимах проводился на материале аудиотестирования и спектрального анализа звуков.

Изучению данной оппозиции было посвящено 5 экспериментов аудиотестирования. Материал исследования первых трех экспериментов составили минимальные пары, различающиеся наличием долгого *ā* или краткого *ā* в ударной позиции в корне слова. Для эксперимента № 1 были взяты квазиомонимы, в роли которых выступали различные падежи *a*-основного имени существительного *rāstas* и м. р. причастие в страд. залоге *rāstas*², для экспериментов № 2 и 3 – ряд глагольных форм слов *kāsti* и *kāsti* (см. табл. 4.1). Получена вероятность $\geq 0,95$, что формы различаются. Аудиторы дополнительно указали, что различается качество (но не количество) гласных. Спектральный анализ звуков показал, что не существует значительного различия между абсолютной продолжительностью изучаемых гласных: $\bar{x}_{\tilde{a}} = 146$ мс, $\bar{y}_{\tilde{a}} = 139$ мс, $s_{\tilde{x}} = 33$, $s_{\tilde{y}} = 36$, так как $t = 1,18 < 1,98$ ($P = 95\%$). Далее в спектрограммах изучаемых гласных измерены форманты F_1 и F_2 и подсчитаны суммарные отклонения Δf от соответствующих формант нейтрального гласного [æ] с целью определения различия в напряженности долгих и кратких гласных. Выяснено, что *ā* произносится более напряженно:

$$(\Sigma \Delta \tilde{f}_a = |270|) - (\Sigma \Delta \tilde{f}_{\tilde{a}} = |240|) = |30|.$$

Для эксперимента № 4 в аудиотестировании предлагались минимальные пары, различающиеся долгим *ū* и кратким *ū* в корне слова, находящимися в позиции под ударением: в исследуемый материал были включены различные глагольные формы слов *skūsti*, *skūsti* и *siūsti*, *siūsti*. Вероятность, что оппозиция *ū/ū* существует, равна 0,999. Спектральный анализ звуков указал на отсутствие количественного различия, т.е. различия абсолютной продолжительности звуков: $\bar{x}_{\tilde{u}} = 111$ мс, $\bar{y}_{\tilde{u}} = 96$ мс, $s_{\tilde{x}} = 45$, $s_{\tilde{y}} = 36$, так как $t = 1,02 < 2,04$.

² Причастие *rāstas*, как и предъявленные в эксперименте № 2 формы причастия *kāstas*, в кодифицированном литовском языке в указанных формах получает восходящую интонацию (Laigonaite A., 1978, p. 91), но в ЛРКЛВ действие данного правила не наблюдается: гласный *a* интерпретируется как краткий, находящийся под ударением.

($P = 95\%$). При исследовании качественных различий \bar{i} и \bar{y} получено минимальное различие суммарных отклонений Δf формант F_1 и F_2 соответствующих формант нейтрального звука [æ]:

$$(\Sigma \Delta \bar{f}_i = |250|) - (\Sigma \Delta \bar{f}_y = |240|) = |10|.$$

При произношении гласных *i* типа в ЛРКЛВ наблюдается относительная их делабиализация, что, естественно, имеет последствия и для акустических свойств гласных данного типа.

В эксперименте № 13 исследовались „двойные“ минимальные пары, которые так называть можно лишь условно: это слова с оппозицией долгих и кратких гласных, находящейся и в корне, и в окончании слов. Находящиеся в корне \bar{a} и $\bar{ä}$ существовали под ударением в глагольных формах слов *sálti*, *bálti*, *prakásti* и др., *a*-основного имени существительного *rāstas* (см. табл. 4.1). Аудиторы данные слова различили с вероятностью, равной 0,95. Спектральный анализ звуков повторил результаты экспериментов № 1, 2 и 3 (см. табл. 4.3).

Изучение субъективной стороны употребления (уд. \check{VC}) на материале анкеты показало, что существуют определенные осознанные социолингвистические нормы в отношении (уд. \check{VC}). Данная переменная не является однородной, о чем четко свидетельствуют субъективные суждения респондентов. Во-первых, респонденты указывают на различное употребление переменной, когда в роли краткой ударной гласной выступают \bar{i} , \bar{y} и когда — $\bar{ä}$, \bar{e} (ср. рис. 6.8 и 6.9 с 6.7 и 6.10, прил. 6). На рис. 6.7 и 6.10 частоты указаний на употребление краткого варианта в словах с $\bar{ä}$, \bar{e} (за исключением частот слов *bívo* и *snigo* (рис. 6.7), в состав которых входят \bar{i} , \bar{u}), расположены несколько ниже частот в словах с \bar{i} , \bar{u} на рис. 6.8 и 6.9, что свидетельствует о меньшей степени обязательности краткого произношения $\bar{ä}$, \bar{e} . Во-вторых, краткое произношение тавтосиллабических сочетаний ударных с сонантами расценивается относительно ниже краткого произношения гласных \bar{i} , \bar{u} , напр.: линии частот краткого варианта в словах *snigo*, *bívo* (рис. 6.7), *kítas*, *visas* (рис. 6.8), *ilgúmas*, *pabústi* (рис. 6.9) расположены очень высоко, в районе интервала 80–100% (с некоторыми отступлениями, о которых речь пойдет ниже), что обозначает почти всеобщую ориентацию представителей ЛРКЛВ на краткое произношение (уд. \check{VC}) при наличии упомянутых лингвистических обстоятельств.

Ориентация на различное употребление переменной при различных лингвистических обстоятельствах особенно ярко выступает при анализе ответов представителей старшей группы: здесь зафиксированы частоты с \bar{i} , \bar{y} в интервале 67–100%, а с \bar{i} , \bar{u} +R — 20–50%. В ответах представителей остальных двух возрастных групп данное различие выступает не так четко, частоты некоторых слов (напр., *pílti*, *pýtpuras*) даже не поддаются подобной интерпретации, но при анализе ответов определяется другая закономерность, которая в целом может быть распространена на все ответы об употреблении (уд. \check{VC}): частоты кратких вариантов в ответах средней возрастной группы и особенно младшей с низшим уровнем образования резко подскакивают вверх и располагаются на верхних точках абсциссы, в районе 70–100%. Во всех случаях

иначе себя ведут показатели младшей возрастной группы с высоким уровнем образования: они явно падают вниз, хотя в некоторых случаях и наблюдается различие употребления (уд. $\check{V}C$) в тавтосиллабических сочетаниях.

Анализ рис. 6.7, 6.8, 6.9, 6.10 и сравнение реальных фактов речи ЛРКЛВ (см. рис. 5.3) позволяют делать вывод о существовании осознанной социолингвистической нормы употребления (уд. $\check{V}C$), различной у разных возрастных групп: в старшей возрастной группе превалирует употребление долгих вариантов (уд. $\check{V}C$), это осознается и самими информантами, за исключением случаев, когда в роли кратких гласных в переменной выступают *i*, *й*. В речи средней возрастной группы насчитывается почти поровну долгих и кратких вариантов, о чем свидетельствуют и субъективные суждения информантов, хотя показатели частот кратких вариантов и завышены, но это естественно, так как субъективные оценки почти всегда лучше реальных. У младшего поколения вильнюсцев, по-видимому, существуют две нормы. Представители этого поколения, у которых более низкий уровень образования, в основном ученики среднеобразовательных школ, употребляют наибольшее количество кратких вариантов (уд. $\check{V}C$), и их ориентация явно направлена на краткие варианты. Те, у кого более высокий уровень образования, употребляют чуть больше половины кратких вариантов, но в противовес информантам средней возрастной группы ничуть не завышают своих показателей при субъективном оценивании собственной речи: они прекрасно осознают, что употребляют долгие варианты (уд. $\check{V}C$) в тех случаях, когда в состав речи входят тавтосиллабические сочетания, что, по-видимому, и считается их социолингвистической нормой. Актеры и дикторы обычно реализуют краткий вариант переменной (за некоторыми исключениями).

Нестатистический анализ текстов интервьюирования показал, что определенное значение при выборе вариантов (уд. $\check{V}C$) имеет и позиция переменной в слове: если перед или после нее находятся долгие гласные или двугласные и реализуются долгими своими вариантами, (уд. $\check{V}C$) обычно реализуется кратким вариантом, но если соседние звуки представляются краткими своими вариантами, (уд. $\check{V}C$) гораздо чаще бывает представлена долгим вариантом.

Изучение употребления (уд. $\check{V}C$) в аспекте диалектного происхождения родителей позволило убедиться в существовании общей закономерности, имевшей место при изучении других переменных: краткий вариант употребляют те из интервьюируемых, чьи родители происходят из местностей, расположенных на территории диалектов, в которых краткие гласные под ударением не удлиняются. Особенно данная закономерность проявляется при рассмотрении кратких гласных в сочетаниях с сонантами.

Исследование произношения кратких ударных гласных показало, что имеют место случаи, когда во избежание произнесения долгого гласного в сочетаниях $\check{V} + R$ ударение переносится с гласного на сонант, а это с точки зрения системы литовского языка считается большей погрешностью, чем употребление долгогогласного.

Выводы. 1. Социолингвистическое изучение ЛРКЛВ показало, что она, будучи гетерогенной структурой, все же является системным феноменом. Неотъемлемое свойство ЛРКЛВ – варьирование – зависит от действия целого ряда факторов как лингвистического, так и социологического порядка, изучение которого немыслимо без применения комплексных методов исследования. 2. Одной из причин варьирования ЛРКЛВ является различная сила и диапазон воздействия на речь ее представителей диалектных особенностей речи родителей. 3. Различное употребление вариантов одних переменных обусловливает употребление других переменных, однако варианты взаимозаменимы в зависимости от социальной ситуации, что порождает импульс для нового варьирования. 4. Исследование ЛРКЛВ показало, что все ее фонетические особенности имеют соответствия в литовских говорах или наблюдаются в речи представителей пограничных говоров, активных контактных билингвов. 5. Наиболее характерными чертами вокализма ЛРКЛВ следует считать тенденцию укорачивания долгих напряженных гласных в неударной позиции и удлинения кратких ненапряженных гласных под ударением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев Э. П., Осипов Г. В. Послесловие. – В кн.: Математические методы в социальных науках / Пер. с англ. М., 1973.
- Анкета „Эксперт-2“ / ИСИ АН СССР. Экспертная служба. – М., 1974.
- Белл Р. Социолингвистика. Цели, методы, проблемы. – М., 1980.
- Будагов Р. А. Борьба идей и направлений в языкоизнании нашего времени. – М., 1978.
- Вайнберг Дж., Шумекер Дж. Статистика / Пер. с англ. – М., 1979.
- Гаршва К. Слоговые акценты в фонологической системе (на материале литовского языка): Канд. дис. – М., 1977.
- Гаскаров Д. В., Шаповалов В. И. Малая выборка. – М., 1977.
- Траудина Л. К. Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты. – М., 1980.
- Гроссе Р., Нойберт А. Тезисы к марксистской социолингвистике. – В кн.: Теория и история языкоизнания. Проблемы зарубежной социолингвистики: Реф. сб. / Отв. ред. А. Д. Швейцер. – М., 1976.
- Дешериев Ю. Д. Закономерности развития [и] взаимодействия языков в советском обществе. – М., 1966.
- Дешериев Ю. Д. Социальная лингвистика. – М., 1977.
- Закс Л. Статистическое оценивание / Пер. с нем. – М., 1976.
- Звегинцев В. А. Лингвистика в системе наук и исследовательских методов. – В кн.: Научно-техническая революция и функционирование языков мира / Отв. ред. И. К. Белодед, Ю. Д. Дешериев. М., 1977.
- Здравомыслов А. Г. Методология и процедуры социологических исследований. – М., 1969.
- Исследования фонетических особенностей речевых стилей / Под ред. В. Д. Аракина. – М., 1979.
- Косериу Э. Синхрония, диахрония и история. – Новое в лингвистике. М., 1963, вып. 3.
- Костомаров В. Г., Шварцкопф Б. С. Работы по вопросам культуры речи (1962–1965 гг.). – ВЯ, 1965, № 4.

- Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте. — Новое в лингвистике. М., 1975 (в ссылке: а), вып. 7.
- Лабов У. О механизме языковых изменений. — Новое в лингвистике. М., 1975 (в ссылке: б), вып. 7.
- Маковский М. М. Соотношение индивидуальных и социальных факторов в языке. — ВЯ, 1976, № 1.
- Монина М. Л. Критический очерк методов и техники социологических исследований за рубежом. — Инф. бюл. Сер. Материалы и сообщения / Отв. ред. В. В. Колбановский. М., 1974, № 1.
- Никольский Л. Б. Синхронная социолингвистика (теория и проблемы). — М., 1976.
- Носенко Э. Л. Специфика проявления в речи состояния эмоциональной напряженности: Автореф. докт. дис. — М., 1979.
- Поливанов Е. Русский язык как предмет грамматического описания. — В кн.: За марксистское языкознание. М., 1931.
- Постовалова В. И. Историческая фонология и ее основания. Опыт логико-методологического анализа. — М., 1978.
- Постовалова В. И. Специфические черты гипотезы в лингвистике. — В кн.: Гипотеза в современной лингвистике / Отв. ред. Ю. С. Степанов. М., 1980.
- Рабочая книга социолога / Отв. ред. Г. В. Осипов. — М., 1976.
- Русская разговорная речь / Под ред. Е. А. Земской. — М., 1973.
- Русский язык по данным массового обследования. Опыт социально-лингвистического изучения / Под ред. Л. П. Крысина. — М., 1974.
- Руткевич М. Н. Методологические проблемы изучения социальной структуры социалистического общества. — Свердловск, 1972.
- Сегал Д. М. Основы фонологической статистики (на материале польского языка). — М., 1972.
- Серебренников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике. — М., 1974.
- Скворцов Л. И. Теоретические основы культуры речи: Автореф. докт. дис. — М., 1978.
- Статистические методы анализа информации в социологических исследованиях / Отв. ред. Г. В. Осипов. — М., 1979.
- Степанов Г. В. К проблеме языкового варьирования. — М., 1979.
- Структурно-вероятностный анализ языка по данным речи: Всесоюз. сб. Тез. докл. конф. — Харьков, 1979.
- Трубецкой Н. С. Основы фонологии. — М., 1960.
- Фант Г. М., Якобсон Р., Халле М. Введение в анализ речи. — Новое в лингвистике. М., 1962, вып. 2.
- Человек и его работа. — М., 1967.
- Чесноков С. В. О представительности результатов социологических исследований, проведенных по малым неслучайным выборкам. — В кн.: Проектирование и организация выборочного социологического исследования. М., 1977.
- Швейцер А. Д. Современная социолингвистика. Теория, проблемы, методы. — М., 1976.
- Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику. — М., 1978.
- Шкаратан О. И., Рукавишников В. О. Социальная структура населения советского города и тенденции ее развития. — Социолингвистические исследования, 1974, № 2.
- Шляпентох В. Э. Проблемы достоверности статистической информации в социологических исследованиях. — М., 1973.
- Ядов В. А. Методология и процедуры социологических исследований. — Тарту, 1968.
- Якубайтис Т. А., Склиревич А. Н. Вероятностные характеристики связных текстов. — Рига, 1978.
- Bell R. Language samples.— In: Universals of Human Language: Method and Theory / Ed. by J. H. Greenberg. Stanford, 1978, vol. 1.

- Bitinas B.** Statistiniai metodai pedagogikoje ir psichologijoje. — V., 1974.
- Girdenis A.** Fonologija. — V., 1981.
- Labov W.** The Social Stratification of English in New York City. — Columbia University Press, 1966.
- Laigonaitė A.** Lietuvių akcentologija. — V., 1978.
- Statkevičienė J.** Vienarūšių ir nevienarūšių pažyminių trukmė. — Garsai, priegaidė, intonacija (Eksperimentinės fonetikos ir kalbos psichologijos kolokviumo medžiaga). V., 1972, t. 5.
- Tikimybių** teorija ir matematinės statistikos taikymas. — V., 1971.
- Weinreich U., Labov W., Herzog M.** Empirical foundations for a theory of language change. — In: Direction for Historical Linguistics / Ed. by W. P. Lohman and Y. Malkiel. Austin, 1968.
- Zinkevičius Z.** Lietuvių dialektologija. — V., 1966.
- Zinkevičius Z.** Istorinė lietuvių kalbos gramatika. — V., 1981, d. 1.

Приложение 1

Текст № 1

Dabar daug žmonių Vilniuje gyvena naujuose namuose. Aš irgi. Mūsų name net septyni ięjimai po devynis butus. Centras tolakai, bet važinėja troleibusai — nėra ko skustis. Tiesa, buvo tokiai, kurie nenorėjo čia kraustytis, bet dabar apie sugrįžimą net nebekalba. Čia daug geresnė aplinka negu kitur: arti ažuolynas ir tvenkinys. Ten yra net dvi valtys. Aplink yra nemaža privatininkų sklypų. Sausomis dienomis jie baigia išsemti tvenkinį. Reikai pagerėja, kai lietus ima pilte pilti. Viena valtis priklauso mūsų klubui. Pernai buvo ją pavogė, bet milicia greit sugrąžino.

Kartą, kasdamas ties vienu sklypu, po ieva radau ąsotėli. Parašiau skelbimą: „Rastas ąsotėlis. Kreipkitis į trisdešimto namo pirmą butą“. Netrukus net sukaitusi atlékė tokia Violeta ir émė mane pulti dėl to savo ąsotėlio, kad aš ji pavogiau. Tada aš tą biaurybę išvariau. O ji atsiuntė savo šaukiančią auklę. Su aukle išsiaiškinti buvo sunku, nes teko nuo jos skusti kuo greičiau. Tieki triukšmo dėl to ąsotėlio, kurio verte aš labai abejoju. Išbèges į kiemą, sutikau sukaitusį Ženią, kuris paklausė, kam erzinu mergaitės. Mat Violeta, patempusi apatinę lūpa, atsisėdusi ant rasto, verkė. Aš norėjau būti tikru vyru ir parodyti jai savo verte. Priéjau prie jos ir pasakiau: „Nogražiai išéjo. Suprant, aš tikrai radau tavo ąsotėli prie ievos, kai ieškojau sliekų“. Ji nusišypsojo ir davė man obuoli, todėl nebepasirodė biaurybe. Aš pakviečiau ją žaisti tenisą. Viskas būtų buvę gerai, jeigu aš, kasdamas obuoli, nebūčiau prasikandę lūpos, nes užkliuuva už nuskilusios šaligatvio plytelės. Nesiseka tai nesiseka: tenisą jau žaidė Kestutis su Džeku, ten eilėje dar laukė Ryžikovas su Džimiui, kuris niekada nesiskiria su savo gitara. Tada nutaréme eiti į filmą „Vyrų vasara“. Namuose dar laukė algebra. Lūpa ištino. Bet man kažkodėl noréjosi šypsotis!..

Текст № 2

vyrū — vyrū, duona — duoną, sukaitusi — sukaitusį, gèle — gélę, antis — antys, biaurybę — biaurybę, lova — lovą, skysti — skysti, lūpa — lūpą, siusdamas — siusdamas, verte — verte, lélé — lélé, sklypu — sklypų, aukle — auklę, mirti — mirtį, valtis — valtys, spiūviu — spiūvių, kasdamas — kasdamas, skusti — skusti, rastas — rastas.

Приложение 2

Вопросник полустандартизованного интервью

- Откуда родом Ваш отец?
- Откуда родом Ваша мать?
- Навещали ли Вы те края?
- Как Вы провели свой последний отпуск? Пришлось ли путешествовать?
- Случалось ли так, что кто-нибудь узнавал в Вас вильнюсца на основании Вашей речи, произношения?
- Как Вы считаете, отличается ли речь вильнюсцев от литературной? (Если да, то чем именно).
- Кто вообще разговаривает на литературном языке?

8. Следите ли Вы за правильностью своей речи?
9. Прочитайте, пожалуйста, этот текст (№ 1). Представьте себе, что читаете его в кругу семьи или друзей.
10. Как часто и где Вам приходится пользоваться русским языком находясь в г. Вильнюсе?
11. Владеете ли Вы польским языком?
12. (Если ответ № 11 положительный.) Где и когда Вы научились говорить по-польски?
13. Прочитайте, пожалуйста, еще один текст (№ 2).
14. Будьте добры заполнить анкету (см. прил. 3).

Приложение 3

Часть социолингвистической анкеты
(Вопросы о реализации долгих и кратких гласных)

VII.	snigo pilti plitelé šluostiti dvi valtis dvi antis dvi ausis kraustiti giventi kitas viriausias visas džiaustiti skirti Vilnius	— snygo — pylti — plytelé — šluostyti — dvi valtys — dvi antys — dvi ausys — kraustyti — gyventi — kytas — vyriausias — vysas — džiaustyt — skyrti — Vylnius	nekasa nebekalba	— někasa — neběkalba
X.	drasuolis žaselé Kestutis asotēlis aselé ažuolynas siustuvas tesinys trešimas sugrižimas sugražino grežinys	— drāsuolis — žāselē — Kēstutis — ašotēlis — ašelē — ažuolynas — sištuvas — tēsinys — trēšimas — sugrižimas — sugražino — grēžinys	— drasuolis — žaselé — Kestutis — asotēlis — aselé — ažuolynas — siustuvas — tesinys — trešimas — sugrižimas — sugražino — grežinys	— drāsuolis — žāselē — Kēstutis — ašotēlis — ašelē — ažuolynas — sištuvas — tēsinys — trēšimas — sugrižimas — sugražino — grēžinys
IX.	tavo savo geresnè baltasis žalesnis mesti vesti lesti paima atneša	— tāvo — sāvo — gerēsnē — baltāsis — žalēsnis — mēsti — vēsti — lēsti — pājima — atnēša	usuotas rūkyti ilgūmas pūlti pabūsti kūrmis grūdai būvo pūmpuras	— usuotas — rukyti — ilgumas — pulti — pabusti — kurmis — grudai — buvo — pumpuras
XI.	—	—	—	—

Приложение 4

I. Список квазиомонимов для аудиотестов

Эксперимент № 1: rāstas — rastas, rāsto — rasto, rāstā — rastą, rāstu — rastu.

Эксперимент № 2: kāstas — kastas, kāsto — kasto, nekāsiu — nekasiu, kāstā — kastą, kāsti — kasti.

Эксперимент № 3: kāsdamas — kasdamas, kāsdami — kasdami, kāsdama — kasdama, kāsdamos — kasdamos.

Эксперимент № 4: skūsdamas — skusdamas, siūsdamas — siusdamas, skūsti — skusti, siūsti — siusti.

Эксперимент № 5: mirti — mirti, Vyt — vyti, skilti — skilti, karti — karti, skysti — skysti.

Эксперимент № 6: kartys — kartis, antys — antis, mentys — mentis, palty — paltis, kandys — kandis.

Эксперимент № 7: pasibaigusi — pasibaigusi, pylus — pylusi, dainavusi — dainavusi, svarsčius — svarsčiusi, sukaitusi — sukaitusi.

Эксперимент № 8: *ąsoty* – *ąsot!*, *šalty* – *Šalti!*, *medy* – *medi!*, *uosy* – *Uosi!*

Эксперимент № 9: *vertę* – *verte*, *silkę* – *silke*, *lélé* – *léle*, *aukłę* – *aukle*, *biaurybę* – *biaurybe*.

Эксперимент № 10: *iškastę* – *iškastų*, *iškastam* – *iškastam*, *pakästais* – *pakastais*, *užkastuo* – *užkastuos*.

Эксперимент № 11: *kopą* – *kopa*, *lūpą* – *lūpa*, *duoną* – *duona*, *kiaurą* – *kiaura*, *lovą* – *lova*.

Эксперимент № 12: *vyrę* – *vyrų*, *sūrių* – *sūriu*, *mūrų* – *mūru*, *spiūvių* – *spiūviu*, *sklypų* – *sklypu*.

Эксперимент № 13: *sąla* – *salą*, *bąla* – *balą*, *rąstu* – *rastų*, *prakastu* – *prakastų*.

Таблица 4.2 Результаты аудиотестирования

Слог	Гласный	Тип, №	Эксперимент, №	n	%	P
Ударный	a	I	1.	180	85	0,999
	a	I	2.	200	74,5	0,95
	a	I	3.	180	77,8	0,99
	u	II	4.	200	81	0,999
Безударный	i	III	5.	200	80	0,999
	i	III	6.	180	74,4	0,95
	i	III	7.	200	75	0,95
	i	III	8.	200	89	0,999
	e	IV	9.	180	88,8	0,999
	a	V	10.	160	78,8	0,99
	a	V	11.	200	76	0,99
	u	VI	12.	180	91,7	0,999
	a/u	I/VI, V	13.	200	75	0,95

n – суммарное число ответов; % – процент опознанных оппозиций, P – вероятность различия оппозиции.

Таблица 4.3 Статистическая оценка различий абсолютной продолжительности обоих членов оппозиции \bar{V}/\check{V}

Эксперименты, №	$\bar{x}_{\bar{V}}$, мс	$\bar{y}_{\check{V}}$, мс	$s_{\bar{x}}$	$s_{\bar{y}}$	t	$t_{\alpha} (P=95 \%)$
1, 2, 3, 13	146	139	33	36	1,18	1,98
4	111	96	45	36	1,02	2,04
5, 6, 7, 8	40	38	13	21	0,67	1,98
9	59	64	27	24	0,59	2,04
10, 11, 13	60	58	35	25	0,29	1,99
12, 13	70	56	38	28	1,48	2,01

$$\bar{x}_{\bar{V}} = 81$$

$$\bar{y}_{\check{V}} = 75$$

Приложение 5

Результаты социолингвистического интервью

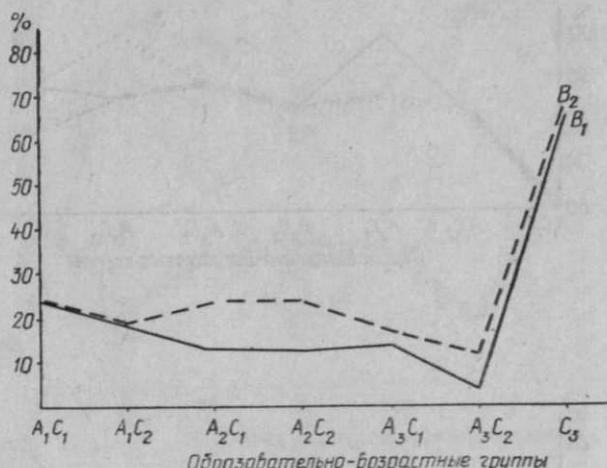

Рис. 5.1. Распределение долгого варианта (неуд. \sqrt{C}) с учетом факторов возраста (A), контекстуального стиля (B) и уровня образования (C), %

Рис. 5.2. Распределение краткого варианта (уд. $\sqrt{#}$) с учетом факторов возраста (A), контекстуального стиля (B) и уровня образования (C), %

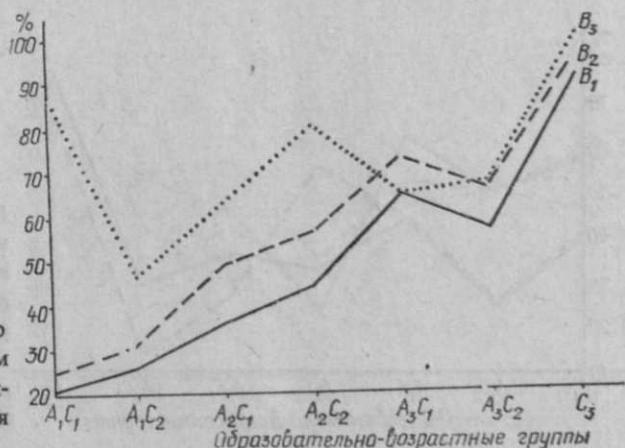

Рис. 5.3. Распределение краткого варианта (уд. \sqrt{C}) с учетом факторов возраста (A), контекстуального стиля (B) и уровня образования (C), %

Приложение 6

Результаты социолингвистической анкеты

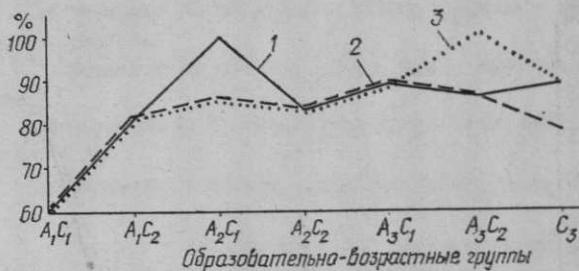

Рис. 6.1. Распределение долгого варианта (неуд. V#) по отношению к возрастным (A₁, A₂, A₃) и образовательным (C₁, C₂, C₃) группам в словах *valtys* (1), *antys* (2) и *ausys* (3), %

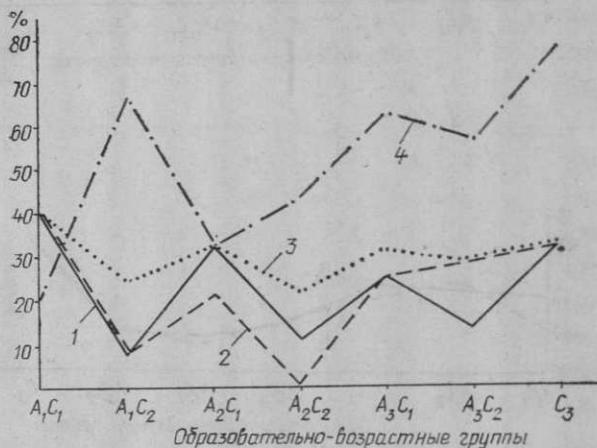

Рис. 6.2. Распределение долгого варианта (неуд. V'C), реализуемой в абсолютном начале слова, по отношению к возрастным (A₁, A₂, A₃) и образовательным (C₁, C₂, C₃) группам в словах *qstoteliš* (1), *aselė* (2), *ažuolynas* (3) и *išiuotas* (4), %

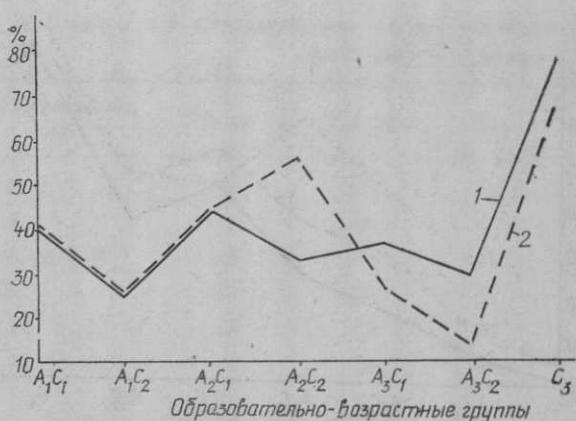

Рис. 6.3. Распределение долгого варианта (неуд. V'C), реализуемой во II и далее предударных слогах, по отношению к возрастным (A₁, A₂, A₃) и образовательным (C₁, C₂, C₃) группам в словах *tėsinys* (1) и *gręžinys* (2), %

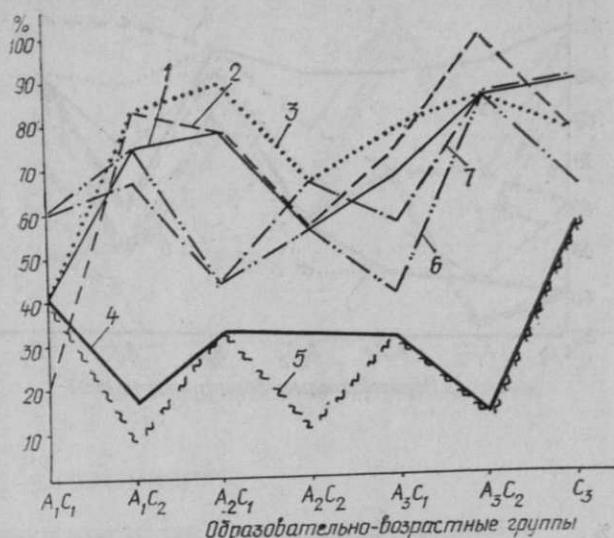

Рис. 6.4. Распределение долгого варианта (неуд. $\bar{V}C$), реализуемой в I предударном слоге перед долгим ударным слогом, по отношению к возрастным (A_1, A_2, A_3) и образовательным (C_1, C_2, C_3) группам в словах *plytelė* (1), *gyventi* (2), *vyriausias* (3), *draquolis* (4), *žqselė* (5), *rūkyti* (6) и *grūdai* (7), %

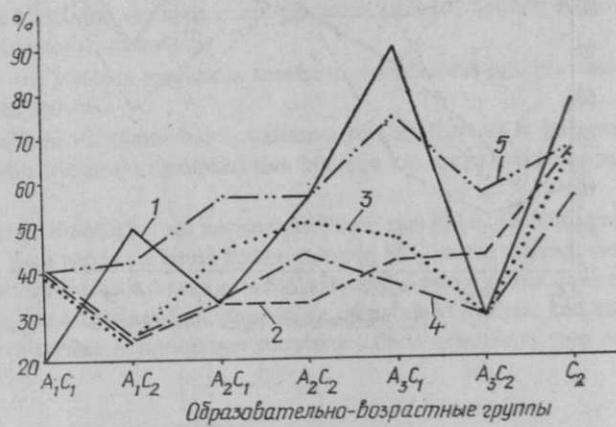

Рис. 6.5. Распределение долгого варианта (неуд. $\bar{V}C$), реализуемой в I предударном слоге перед кратким ударным слогом, по отношению к возрастным (A_1, A_2, A_3) и образовательным (C_1, C_2, C_3) группам в словах *sugr̄žimas* (1), *Kestutis* (2), *trešimas* (3), *sugražino* (4) и *siuſtuvas* (5), %

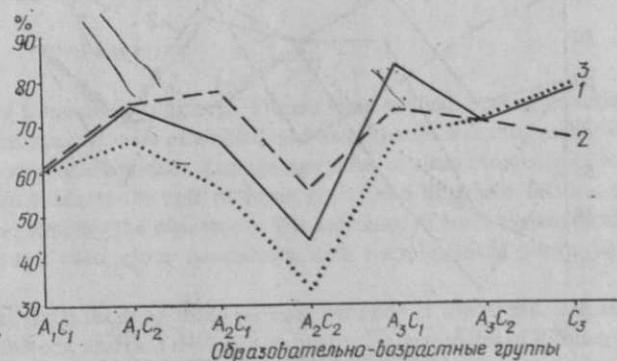

Рис. 6.6. Распределение долгого варианта (неуд. $\bar{V}C$), реализуемой в послеударном слоге, по отношению к возрастным (A_1, A_2, A_3) и образовательным (C_1, C_2, C_3) группам в словах *šluostyti* (1), *kraustyti* (2) и *džiaustyt* (3), %

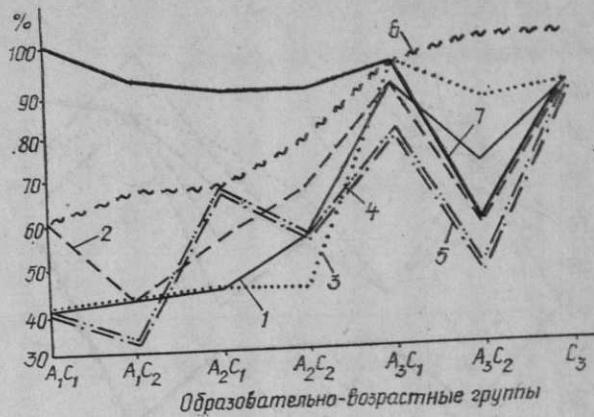

Рис. 6.7. Распределение краткого варианта (уд. $\bar{V}C$), реализуемой в абсолютном начале слова в слове *atneša* (1) и перед слогом с долгим гласным в словах *geresnē* (2), *nebekalba* (3), *tavo* (4), *savo* (5), *snigo* (6), *duvo* (7), по отношению к возрастным (A_1, A_2, A_3) и образовательным (C_1, C_2, C_3) группам, %.

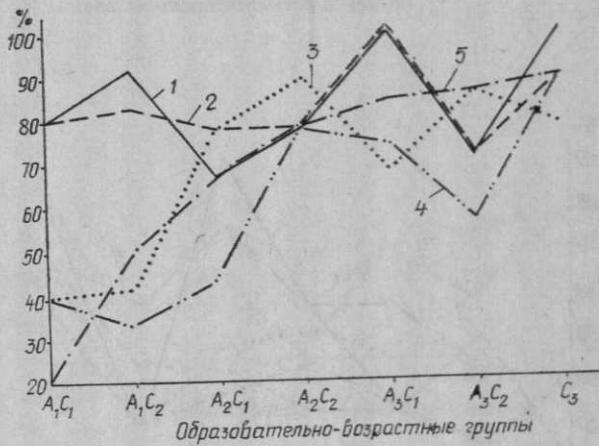

Рис. 6.8. Распределение краткого варианта (уд. $\bar{V}C$), где \bar{V} – i, реализуемой перед слогом с кратким гласным, по отношению к возрастным (A_1, A_2, A_3) и образовательным (C_1, C_2, C_3) группам в словах *kitas* (1), *visas* (2), *pilti* (3), *skirti* (4), *Vilnius* (5), %

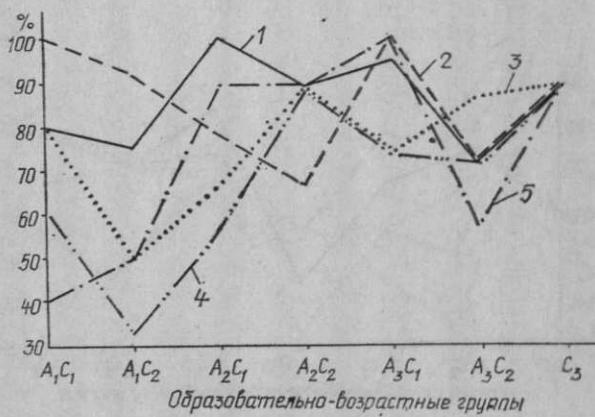

Рис. 6.9. Распределение краткого варианта (уд. $\bar{V}C$), где \bar{V} – u, реализуемой перед слогом с кратким гласным, по отношению к возрастным (A_1, A_2, A_3) и образовательным (C_1, C_2, C_3) группам в словах *ilgumas* (1), *pabusti* (2), *pulti* (3), *kurmīs* (4), *rūtpuras* (5), %

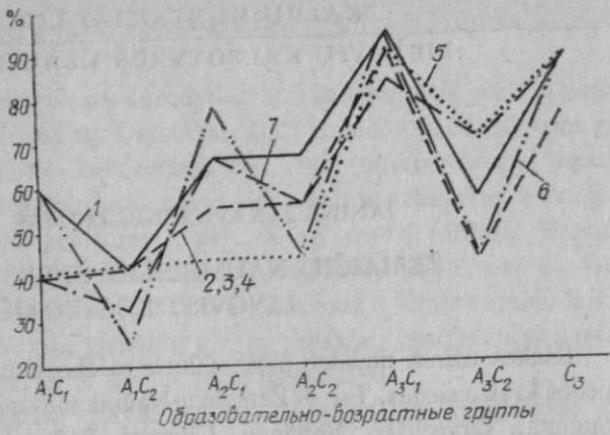

Рис. 6.10. Распределение краткого варианта (уд. $\bar{V}C$), где \bar{V} — а, е, реализуемой перед слогом с кратким гласным, по отношению к возрастным (A_1, A_2, A_3) и образовательным (C_1, C_2, C_3) группам в словах *žalesnis* (1), *mesti, vesti, lesti* (2), *nekaša* (3), *baltasis* (4) и *paima* (5), %

L. GRUMADIENĖ

SOCIOLINGVISTINIS VILNIEČIŲ LIETUVIŲ KALBOS TYRIMAS

Reziumė

Straipsnyje analizuojamos kelios sociolinguistiniai metodais tirtos vilniečių lietuvių kalbos vokalizmo ypatybės, ieškoma jų įvairavimo priežasčių.

Nustatyta, kad vilniečių kalbai yra būdinga tendencija trumpinti nekirčiuotus ilguosius balsius ir ilginti kirčiuotus trumpuosius balsius.

Beveik visi vilniečių lietuvių kalboje vartojami balsų variantai turi atitikmenis ir tarmėse. Tik viena ypatybė (kirčiuotų galūninių trumpujų ilginimas) tėra būdinga kai kurių dvikalbių patribio tarmių lietuvių kalbai.

Statistiniai metodai įrodyta, kad vilniečių kalbos nevienalytiškumui turi įtakos tiek lingvistiniai, tiek socialiniai faktoriai. Pvz., vieni balsų variantai žodyje slygoja kitų balsų variantų vartojimą, bet kitoje sociolinguistinėje situacijoje ištartas tas pats žodis jau gali iš esmės skirtis. Ieškant vilniečių lietuvių kalbos dėsninumų, buvo pasinaudota statistiniai metodais ir įrodyta, kad kalbos įvairavimui didelę įtaką turi tėvų tarmės ir sąmoninga vertybinių kalbos orientacija, taip pat amžius ir išsilavinimas.

L. GRUMADIENĖ

A SOCIOLINGUISTIC STUDY OF LITHUANIAN SPOKEN IN VILNIUS

Summary

The sociolinguistic variances of Lithuanian spoken in Vilnius were studied. Special attention was paid to the vocalism. Over 70 informants were examined and their speech was thoroughly investigated using a complex of methods and technique. The average value of sound frequencies was calculated and estimated in order to evaluate the role of some social and linguistic factors. 13 graphs and 2 tables are introduced to simplify the discussion. The existence of some systematically appearing sociolinguistic variances and their close connection with sociolinguistic norms have been established.

It might be concluded from the data obtained that the great variance of the urban language is due to the influence of the social factors, and that the main linguistic characteristics of Lithuanian spoken in Vilnius are similar to those known in the Lithuanian dialects.